

**ВЕРНУЛИСЬ
С ПОБЕДОЙ**

Централизованная библиотечная система Прокопьевского района
Каменноключевская сельская библиотека

В.М. ШАБАЛИН, В.В. ШАБАЛИН

Вернулись с победой...

Издание второе, дополненное

**Каменный Ключ
2010**

ББК 63.3 (2) 622.78

В

Шабалин В.М. - учитель истории и географии Каменноключевской школы с 1965 по 2003 гг., *«Отличник народного просвещения»*. Известен в Кузбассе как краевед, топонимист, исследователь Великой Отечественной войны, автор многочисленных научных и публицистических работ. Крупнейшими из них являются топонимический словарь «Тайны имен земли Кузнецкой», «Твоя улица, кузбассовец», «Вернулись с победой», «Сибиряки на поле Бородинском», «Тропами поиска».

Редакционная коллегия: Т.В. Храмцова, Е.И. Дубова, Г.Н. Иванова

Дизайн обложки, верстка: О.В. Боронихина

Ответственная за выпуск: Н.Н. Семенова

Шабалин В.М., Шабалин В.В. ВЕРНУЛИСЬ С ПОБЕДОЙ...[Текст]: Очерки о жителях города Прокопьевска и Прокопьевского района, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. - Изд. 2-е, доп. - Каменный Ключ, 2010. - 72 стр., илл.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Общие потери Прокопьевского района в годы Великой Отечественной войны известны. Из 7 тысяч ушедших на фронт домой не вернулось 3 тысячи наших земляков. Но общие цифры мало о чём говорят. Рассмотрим людские потери в разрезе некоторых населённых пунктов района, а также в разрезе ряда семейных кланов.

Невеликим по числу жителей были село Большой Керлегеш и соседняя деревня Малый Керлегеш. Но фронту они дали целую роту солдат. 132 человека ушло отсюда в Красную Армию. Не вернулся 71 человек. 56% ушедших погибло. Потери в ряде семейных кланов были потрясающе велики. В Большом Керлегеше погибло 9 человек Чичендаевых: родные братья Василий Яковлевич и Иван Яковлевич, Михаил Васильевич и Пётр Васильевич, двоюродные и троюродные братья Михаил Григорьевич, Николай Макарович, Дмитрий Андреевич, Александр Прокопьевич и Александр Фёдорович.

Клан Моногошевых потерял родных братьев Александра Назаровича и Семёна Назаровича, а также Василия Егоровича и Николая Иосифовича. Погибли отец и сын Бычковы: Демьян Игнатьевич и Андрей Демьянович. Не вернулся с войны Егор Михайлович Ротанов, отец Сергея Егоровича Ротанова, работавшего редактором газеты «Сельская Новь» в 70-е годы.

Для Малого Керлегеша потери в войну были так велики, что в 1943 году он обезлюдел и был ликвидирован как поселение.

В обоих Керлегешах погибло 38 отцов, оставив 38 вдов и 91 сироту.

Посёлок Индустрия потерял свыше 40 воинов. Это был молодой населённый пункт. Он появился только в 1929 году. Здесь не было семейных кланов, но в каждый дом пришла беда в виде «похоронки» или известия о том, что родной человек «пропал без вести».

Самое старое село Прокопьевского района - Калачёво - потеряло 204 человека. Среди них были прямые потомки основателя населённого пункта казака Калачёва, Василий Иванович и Василий Михайлович Калачёвы. Погибли Григорий Константинович и Иван Константинович Бедаревы - прямые потомки атамана Ивана Бедаря, известного русского военачальника 17 века, воевавшего на территории нашего района против воинственных кочевников.

Деревня Кутоново потеряла 45 человек. Среди них были потомки основателей этого поселения братья Кутоновы: Геннадий Антонович, Михаил Антонович, Иван Антонович, а также их родственники - Егор Прокофьевич и Пётр Фёдорович. Погибло семеро Торгаевых, двое Квасовых. Иван Николаевич Гриднев погиб уже в 1944 году, когда его сын Дмитрий Иванович прибыл на фронт. Сыну повезло. Он дожил до Победы.

Небольшая таёжная деревня Оселки потеряла 50 человек. Среди них были трое Савриловых, двое Мокшиных, двое Николаевых...

Деревня Иганино потеряла почти всех своих красноармейцев.

Абсолютное большинство погибших - русские люди. Но немало крови пролили и представители других национальностей. Среди них мы встречаем потомков шорцев и телеутов Акамовых, Адыбаевых, Сабанаевых, Шелбогашевых, Манышевых, Чучканаковых, Сыркашевых.

Призванные из Михайловки, Оселков, Еловки, Пушкино, Чапаево являлись чувашами. А ушедшие на войну из Новосергеевки и Антоновки являлись представителями мордовского народа.

Погибли сотни украинцев и белорусов: Старченко, Лытко, Марченко, Стадниченко, Манский, Юрченко, Авдеенко, Матвиенко, Матюшенко...

Тяжёлые потери понесли старинные прокопьевские кланы Арыковых, Атучиных, Апшиных, Винтовкиных, Зенковых, Мусохрановых, Мухаревых, Недорезовых...

По нашим подсчётам из сотни вернувшихся с войны только 15 не были ранены или контужены. 32 воина перенесли тяжёлые ранения и стали инвалидами. И через 45 лет, в 1990 году, в районе насчитывалось свыше трёхсот инвалидов Великой Отечественной... Из тех же ста человек 53 были ранены легко по одному-четыре раза или контужены, но инвалидности не получили.

Из ста вернувшихся с фронта 44 человека потеряли на войне близкого родственника: отца, брата, сестру, мать. Неисчислимы моральные потери, утрата здоровья...

Они вернулись и всю свою жизнь трудились. Трудились не для себя, а для родины и народа. Эта небольшая книга - рассказ о некоторых участниках войны, живших и трудившихся на нашей Прокопьевской земле, лишь малая часть гигантской летописи подвига нашего народа, которая когда-нибудь будет создана.

РУССКАЯ ЗАГАДКА

*«В Европе не могут понять,
как СССР сумел победить Германию»
(из радиопередачи).*

Загадкой мучится холёная Европа:
Как мы тогда смогли остановить
Девятый вал фашистского потопа,
Смогли непобедимых победить?

Повержены во прах потомки Ришелье,
Немецкие войска в Париже шаг чеканят.
Как пристяжные, путаясь в шлее,
Пристёгнуты норвежцы и датчане.

Над Лондоном кровавая орда –
Там каждый день гудит бомбардировка:
На англичан надвинулась беда:
Развалины и светомаскировка.

Для польской шляхты чёрный день настал,
И не поможет гордость и отвага.
На кавалерию - тяжёлый танк в крестах –
Кипит на башнях кровавая влага.

Но что случилось? Кто кричал «блицкриг»,
Тот захлебнулся собственной кровью,
Ответ простой: одумался мужик,
Соху наладил и пошёл по полю.

Дивились немцы: «Где же тихий раб.
От крепостного права замордован?
В колхозах битый и лишённый прав,
Невежеством и страхом заколдован?»

Не тут-то было. За века тоски
Такого в русских душах накопилось,
Что ненависть, стучавшая в виски,
Как сжатая пружина, распрямилась.

Да так, что не снаряды, а тела
Бойцы бросали амбразуре в пекло.
Европа ничего не поняла:
Там думали, что нет боекомплекта.

Но не железо здесь решило спор,
Не круговерть суровых приказаний –
Полков сибирских бешеный напор,
Гнев русских пахарей из-под Рязани.

Да, было тяжело и горячо,
И на фронтах не зря палили порох.
Но воскресал Емелька Пугачёв
За рычагами тех „Тридцатьчетверок».

Пахала следом землю до камней
Так по-крестьянски матушка-пехота,
Что до сих пор нет сорняка на ней,
Лишь кое-где бетон разбитых дотов.

Великая крестьянская страна,
То был, наверно, твой последний подвиг,
Звенит пятьдесят пятая весна,
Но видит нас, покорных и убогих.

Крестьянства нет, а значит, нет солдат.
Ведь штык и плуг - они похожи блеском.
Людей уставших равнодушный взгляд
Скользит по этим брошенным железкам.

Мы выстоим. Нам рваться из оков
Поможет память. Жаль - погибли деды.
Как мало их, последних стариков,
Принёсших нам великую Победу!

Виктор Шабалин.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ

Григорий Иванович Чернов

24 июня 1944 года началась Белорусская операция под названием «Багратион». 26-я Сибирская гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Григория Ивановича Чернова, прорвав оборону противника, наступает севернее белорусского города Орши. За два дня боёв дивизия освободила свыше десяти населённых пунктов, уничтожила сотни фашистских солдат и офицеров противника. Поздно вечером 26 июня 1944 года Москва салютует соединениям, действующим на Оршанском направлении, в том числе и 26-й дивизии генерала Г.И. Чернова.

В последние июньские дни 11 гвардейская армия, в состав которой входило соединение Г.И. Чернова, уничтожает вражеские войска в районе Орши. Путь на запад, к реке Березине, открыт. Гвардейцы Григория Ивановича должны были сходу форсировать эту серьёзную водную преграду. Противник успел подтянуть к месту переправы значительные силы. На пути сибиряков, приступивших к форсированию, встала стена артиллерийско-

миномётного огня. Быстрое течение и сильная заболоченность поймы для наступающих были тоже серьёзным препятствием. Вечером 30 июня отряд дивизии, преодолев сопротивление гитлеровцев, форсировал Березину и захватил плацдарм на её правом западном берегу. За два-три часа противник предпринял против оборонявшихся плацдарм гвардейцев 20 контратак. Все они были отбиты с большими потерями для фашистов. В ночь с 30 июня на 1 июля основные силы дивизии переправились на плацдарм.

В тяжкие часы форсирования Березины Г.И. Чернов проявил лучшие черты военачальника. Постоянно находясь в боевых порядках частей и подразделений, комдив чётко организовал взаимодействие всех родов войск. Так, пехота форсировала Березину под мощным прикрытием артиллерии. Лёгкие орудия переправлялись на западный берег вместе со стрелковыми подразделениями и вступали в огневую дуэль с противником, едва колёса пушек касались западного берега.

Благодаря настойчивости комдива, на плацдарм вовремя доставлялись боеприпасы, продовольствие и всё необходимое для медсанбата. Своим спокойствием, рассудительностью и мужеством генерал вдохновлял подчинённых. Когда ему доложили, что на плацдарме сложилась критическая обстановка, комдив перенёс свой командный пункт на плацдарм. Через

считанные минуты после прибытия на западный берег Березины генерал лично организует отражение очередной контратаки немцев. Противник не смог сбить «черновцев» с занятых позиций. Дивизия расширила плацдарм по фронту и вглубь, и 1 июля без какой-либо оперативной паузы устремилась вперёд, на запад, в глубь Белоруссии.

Организуя форсирование Березины в районе города Борисова, генерал Чернов помнил, что именно здесь, у Борисова в 1812 году потерпела сокрушительное поражение великая армия Наполеона. Гвардейцы Сибирской 26-й дивизии на этом историческом месте вновь приумножили славу русского оружия.

1 июля по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего, в котором отмечались успешные боевые действия 26-й гвардейской стрелковой дивизии и комдива Г. И. Чернова.

За две недели, с 1 по 17 июля, 26-я гвардейская, ломая сопротивление противника, продвинулась вперёд на 250 километров и с ходу форсировала новую водную преграду - реку Неман. Как и на Березине, развернулись ожесточённые бои на захваченном плацдарме, глубина которого в первые часы достигала всего двух километров. Враг был не в силах противостоять гвардейцам. И на Немане сибиряки нанесли фашистам мощный удар. Дивизия в боях за плацдарм уничтожила 400 солдат и офицеров противника, 56 орудий, 37 танков, 224 пулемёта. 600 гитлеровцев было взято в плен. В качестве трофеев было захвачено 25 исправных орудий, 45 пулемётов, сотни автоматов, карабинов, винтовок и много другого военного имущества. Победа на Немане, как и на Березине, была достигнута при численном превосходстве противника. За умелое руководство войсками, за волевые качества, стойкость, мужество и героизм, проявленные генералом Г.И. Черновым при форсировании упомянутых двух рек, командующий 11-й гвардейской армии генерал-полковник К.Н. Галицкий представил его к званию Героя Советского Союза. Командующий Третьим Белорусским фронтом генерал армии И.Д. Черняховский дал заключение: «Достоин звания Героя Советского Союза».

После форсирования Немана, с осени 1944 года до апреля 1945 года, 26-я гвардейская дралась с врагом на территории Восточной Пруссии. Именно в боях на вражеской территории проявился воинский талант Григория Ивановича Чернова. 21 января 1945 года дивизия вела бой за опорный пункт противника Ежернинкен. Особого успеха добился 79-й гвардейский полк. Он обошёл Ежернинкен с юга. Комдив, используя этот успех, бросил главные силы дивизии через брешь, пробитую данным полком. В результате этого чёткого манёвра вся дивизия за день продвинулась на 25 километров, не имея серьёзных потерь в живой силе и технике.

22 января гвардейцы Чернова вели бой за город Велау. К трём часам, отразив несколько немецких контратак, сибиряки подошли вплотную к Велау. Немцы взорвали мост через реку Прегель, чтобы не допустить наших воинов в город. Однако всё тот же героический 79-й полк начал форсировать Прегель по тонкому льду, и через час передовые взводы и роты атаковали гитлеровцев на северной окраине города Велау. Оценив обстановку, Григорий Иванович направляет в город и 75-й гвардейский полк. К 8 часам вечера крупный город Велау силами дивизии был взят.

В конце января дивизия завязывает бои южнее столицы Восточной Пруссии города Кенигсберга. В час ночи 30 января все три стрелковых полка Чернова начинают наступление. Цель - выйти на реку Фришинг и к побережью залива Фришес-Хафф с тем, чтобы отрезать Кенигсберг и всю Восточную Пруссию от остальной Германии. Шёл бой трудно. Немцы отчаянно сопротивлялись. Тогда генерал Чернов приказывает в бой за опорные пункты не ввязываться, а блокировать их. Основным силам двигаться в сторону моря. Благодаря этому распоряжению уже к семи часам утра того же 30 января основные силы дивизии вышли на

северный берег реки Фришинг, и дивизия стала усиленно готовиться к обороне своих позиций. Успешное продвижение дивизии Г.И. Чернова к заливу Фришес-Хафф не могло не вызвать ответных действий со стороны командования противника. Уже в 10 часов 30 минут утра по боевым порядкам «черновцев» был открыт артиллерийский огонь. Последовали контратаки, одна за другой. Гвардейцы, обескровив врага, отбросили его на исходные позиции, удержав свой рубеж обороны. Однако фашисты не успокоились. Достигнув на участке дивизии трёх-четырёхкратного превосходства в живой силе и абсолютного в танках, противник вновь стал атаковать. В результате многочасового ожесточённого боя дивизия вынуждена была отойти со своего рубежа. Григорий Иванович Чернов получил тяжёлое ранение. Дивизию принял полковник С.И. Портнов.

В течение двух лет Григорий Иванович командовал 26-й гвардейской дивизией. Вместе с другими руководителями соединения он выпестовал коллектив, способный на массовый героизм. Не случаен тот факт, что именно воин 26-й гвардейской, рядовой 77-го гвардейского полка Юрий Смирнов совершил свой бессмертный подвиг. Летом 1944 года, во время Белорусской операции он, тяжело раненный, упал с танка и попал в плен к фашистам. Они стали его допрашивать, подвергая жестоким пыткам. А потом распяли, как Иисуса Христа, на стене своего блиндажа. Он не выдал военной тайны. Указом Президиума Верховного Совета СССР Юрию Смирнову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В октябрьские дни 1944 года во время боёв в Восточной Пруссии один из вражеских танков ворвался на позицию отделения, которым командовал Георгий Морозов. Он пополз к танку со связкой гранат, сумел подбить машину и погиб как герой. Товарищи по отделению уничтожили в этом бою ещё 4 танка.

В бою за город Велау отличились три бойца: Буров, Мамонтов и Мельников. Они атаковали немецкие танки. В скоротечном бою пехотинцы уничтожили 8 танков и немецких пехотинцев, сидевших на броне.

Командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник К.Н. Галицкий высоко оценивал боевые качества 26-й гвардейской дивизии. Он писал, что гвардейцы генерала Г.И. Чернова даже в неблагоприятной боевой обстановке проявили большое упорство, организованность и высокое чувство долга перед Родиной. В своей книге «В боях за Восточную Пруссию» К.Н. Галицкий так описывает тяжёлый бой «черновцев» на реке Фришинг в январе 1945 года: «Гвардейцы Г.И. Чернова дрались до последнего патрона, погибали под гусеницами танков, прикрывая организованный отход своих товарищей. Расчёты пяти орудий 57 гвардейского артполка 26-й дивизии, израсходовав снаряды, с гранатами и стрелковым оружием вступили в неравный бой с танками и героически дрались, пока не были раздавлены вместе со своими орудиями. Все воины дивизии генерала Чернова выдержали суровые испытания с честью.»

Командующий Третьим Белорусским фронтом, дважды Герой Советского Союза, генерал армии Иван Данилович Черняховский неоднократно восхищался действиями Григория Ивановича Чернова и его дивизии. В боях на ближних подступах к Кенигсбергу И.Д. Черняховский во время разговора с К.Н. Галицким сказал: «Пожми Чернову и его товарищам руки от моего имени. Они молодцы! Раскололи эту проклятую группировку. Доберёмся и до Кенигсберга!»

Несколько месяцев после войны Григорий Иванович провёл в госпиталях, а потом вновь служба. Долгие годы жил он в городе Омске. Иногда приезжал на родину в село Карагайла, в котором родился в 1900 году. Бывал он в Киселёвске и Прокопьевске. И удивлялся: «Откуда они взялись? Здесь мальчишкой частенько на лошадях скакал, в Абе рыбу ловил».

В 18 лет мобилизовали безграмотного Григория Чернова в армию Колчака. Не понравилась свободолюбивому юноше белая армия. Бежал в Красную. Разговор с командиром был коротким: «Дать ему десять розог за службу у Колчака и принять на довольствие в батальон», - распорядился комбат. Не обиделся парень. Понимал: могли и расстрелять. В армии научился грамоте. Проявилась командирская жилка. Учился на разных курсах. Командовал и отделением, и взводом, и ротой. В 30-е годы стал старшим командиром. Войну с Германией ждал. Вверенную ему часть готовил к войне, а не для парадов.

Отличился в 41-м и в 42-м годах. Его часть не бежала, а в порядке отходила с позиции на позицию, нанося ощутимый урон врагу. В 1943 году стал генералом. Оставался простым и доступным для солдат. Был строг, но справедлив.

Интересно происхождение генерала Чернова. Среди его предков были свободолюбивые русские крестьяне и воинственные кочевники-телеуты. Ведь само название села Карагайла можно перевести с телеутского языка как «сосновка», а фамилия Чернов является калькой с телеутского Кара-кижи – «крестьянин», «чёрный человек», «работяга».

Пантелей Петрович Зонов

ГЕРОЙ ИЗ ПОСЕЛКА ШКОЛЬНЫЙ

В течение четырёх лет, с 1947 по 1951 год, на всех торжествах в Московской Военно-политической академии орденосное знамя прославленного учебного заведения вносил один и тот же человек, курсант Пантелей Петрович Зонов. Призванный в армию из посёлка Школьный Прокопьевским райвоенкоматом, он прошёл трудные и славные «университеты» от Сталинграда до Берлина. Служил заместителем командира роты, батальона, полка.

Наиболее яркие страницы боевой биографии нашего земляка связаны с 221-м гвардейским стрелковым полком 77-й гвардейской дивизии, в которую П.П. Зонов прибыл в грозные июльские дни 1942 года. 77-я гвардейская вела тяжёлые бои в донских степях, на дальних подступах к Сталинграду. Младший политрук получил приказ: «Отбить у немцев высоту Казачий Курган». Высота господствовала над местностью, и против них враг вёл с её вершины артиллерийский огонь

по тылам наших частей и подразделений, нанося дивизии ощутимые потери в живой силе и технике.

После короткого, но сильного артиллерийского налёта взвод под командованием Зонова стремительно рванул вперёд. Рядом с командиром, чуть впереди, бежал рядовой Куприянов с небольшим красным флагом в руке. Атака удалась. Ошеломлённый враг бежал. Взвод начал укрепляться на Казачьем Кургане. Куприянов закрепил красный флаг на вершине высоты.

Прибыл связной командира полка и передал приказ: «Держаться на Казачьем Кургане до последней возможности. Помочь вам сумеем только ночью».

Бойцы не успели закрепиться на высоте, как кто-то из солдат крикнул: «Немцы!» Зонов посмотрел на запад. Шесть немецких танков с автоматчиками на броне продвигались к высоте.

- По танку на двоих, ребята, - пошутил Зонов. - Подпустим поближе. Приготовьте гранаты и противотанковые ружья.

Нешадно палило солнце. Пот заливал глаза. Под сапогами скрипел песок. Только рокот танковых моторов нарушал жаркую тишину степи. Бой был скоротечным. Первыми открыли огонь сам Зонов и снайпер Рябцев. Пулемётчики Полещук и Носов смели с брони фашистских автоматчиков. Под гусеницы танков полетели гранаты. Две немецкие машины остановились на склоне кургана. У них были перебиты гусеницы. Остальные, пятясь, стали отходить. Во взводе погибло два красноармейца. Пулемётчик Полещук был тяжело ранен.

Начало смеркаться. Неожиданно на вершине кургана стали взрываться снаряды. Послышался знакомый рокот танковых моторов. Командир подозвал к себе бойцов: «Нас девять. Приказ вы знаете. Казачий Курган не сдавать». Угрюмо разошлись бойцы по своим позициям. Они знали: их ожидает смерть. Немецкая артиллерия возобновила огонь. Один за другим погибали воины.

Когда танки противника подобрались к окопам, бой приняли только Зонов и легко раненый солдат Носов. Подбив танк, Зонов пулемётным огнём отогнал немецких пехотинцев и приказал Носову: - Ползи в тыл. Расскажи там всё.

- А Вы как? - спросил Носов.

- Буду отбиваться. Патроны есть, гранат много. Иди.

Пулемётным огнём младший политрук отогнал немецкую пехоту. Но танк приближался. Переполз через окоп. Кусок глины больно ударил в плечо. Зонов потерял сознание. Пришёл в себя и тут же бросил вслед удалявшемуся танку гранату. Что-то больно ударило по каске, и Зонов вновь потерял сознание. Пришёл в себя оттого, что кто-то брызгал ему в лицо водой. Услышал: «Это я, Носов». И вновь потерял сознание.

К утру контузия прошла. Зонов и десять новых солдат хоронили погибших. За этот подвиг Пантелей Петрович Зонов был награждён орденом Красного Знамени.

В армейской газете о подвиге защитников Казачьего Кургана сообщалось: «Куприянов первым ворвался на высоту. В тот день, в тот незабываемый миг он был вестовым России. Сколько подвигов увидел этот клочок земли! Зонов и с ним одиннадцать героев отбили атаки немцев. Они держались до того часа, когда пришла подмога. Они показали миру, что каждый гвардеец - это Москва. Это - родная Сибирь, та, что не сдаётся, а побеждает, жизни своей не щадя». Прав журналист. Здесь уместны и высокие слова. Сам подвиг высок.

Летом и осенью 1943 года 77-я гвардейская дивизия продвигалась на запад. В конце сентября батальон, в котором служил капитан Зонов, форсировал Днепр. Прокопчанин первым ступил на западный берег великой славянской реки. О боевых делах Пантелея Петровича командир 221-го гвардейского полка писал в наградном листе: «Подготовив батальон к форсированию Днепра, товарищ Зонов 28 сентября 1943 года под огнём противника производит посадку личного состава в лодки, успешно форсирует реку и с ходу вступает в бой с врагом. На западном берегу неоднократно он лично ведёт бойцов в контратаки, увлекая их личным примером. Товарищ Зонов с криком «ура» одним из первых врывается в траншею немцев. Батальон, сломив сопротивление гитлеровцев, продвинулся вперёд на шесть километров, освободив деревню Вяли и создав крупный плацдарм на западном берегу Днепра».

За подвиг на Днепре Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года Пантелей Петрович Зонов удостоен звания Героя Советского Союза.

А война продолжалась. 77-я шла вперёд. Ещё не один подвиг совершил офицер П.П. Зонов. Многих боевых наград был он удостоен. После окончания академии долго и плодотворно служил в армии. После ухода в отставку в звании полковника Пантелей Петрович в течение многих лет работал в Ростове-на-Дону на заводе сельскохозяйственного машиностроения. Наведывался в Прокопьевск и в посёлок Школьный несколько раз. Но по скромности не проводил даже встреч с местными жителями.

ПЕТР ИВАНОВИЧ КОЛПАКОВ

Его хорошо помнят в посёлке Севском, где Герой Советского Союза П.И. Колпаков работал управляющим животноводческой фермой. Не забыли Петра Ивановича и в посёлке Ускатском, где он руководил выращиванием семян многолетних трав. Сугубо мирные занятия отчаянного воина, о котором в его воинской части ходили легенды. Он и в преклонном возрасте производил внушительное впечатление, когда встречался с юношами-старшеклассниками на военных сборах в посёлке Школьном.

Имя Петра Ивановича Колпакова навеки запечатлено на стеле «Герои Советского Союза» на площади Победы в центре города Прокопьевска. Портрет Колпакова украшает и мемориал Героев на улице Комсомольской его родного города, а в посёлке Красный Углекоп есть улица имени Колпакова. На шахте «Красный Углекоп» установлена мемориальная доска, на которой сообщается, что на данном предприятии трудился Герой Советского Союза Пётр Иванович Колпаков. Такое внимание к

Герою со стороны прокопчан-горожан вполне объяснимо. Ведь он родился и вырос в этом шахтёрском городе. Отсюда ушёл на войну.

Судьба бросала солдата с фронта на фронт. И на Южном служил, и на Юго-Западном воевал. Защищал Сталинград, после великого перелома в войне сражался на победоносном Втором Украинском фронте, а в 1945 году на Берлинском направлении дрался с фашистами на Первом Украинском фронте, которым командовал знаменитый маршал Иван Степанович Конев.

Боевой путь Петра Ивановича отмечен многими боевыми наградами. Ещё в 1942 году он получил медаль «За отвагу», а потом была медаль «За оборону Сталинграда». Её он ценил выше любого ордена. Сталинград закалил его, сделал бойцом не только отважным, но и умелым, хитрым, настойчивым.

Когда в конце войны стали подводить итоги боевой работы Колпакова, оказалось, что на его счету не менее 300 уничтоженных фашистов, десятки пленённых им солдат и офицеров противника и, что особенно важно, взятый в плен немецкий генерал.

В феврале 1944 года на территории Западной Украины шли ожесточённые бои на реке Горный Тикич. Пётр Колпаков форсировал эту быструю ледяную реку вплавь первым из группы солдат. Уже на вражеском берегу сумел уничтожить немецкий пулемёт вместе с расчётом. Умудрился через час взять в плен целый взвод немцев во главе с офицером, их командиром. Орден Красной Звезды за этот подвиг был вручён командиром дивизии.

Река Днестр широка и быстра. Но и её сумел сибиряк форсировать в числе первых, уничтожив при этом батарею гитлеровских 75-миллиметровых пушек. Получил орден Красного Знамени.

Во время Висло-Одерской наступательной операции в январе 1945 года Пётр Колпаков служил в составе 34-й гвардейской бригады, входившей в состав 2-й ударной армии. Под польским городом Инорославлем противник начал контратаку. Бригаду обстреливали из всех видов оружия. Было приказано остановиться, чтобы закрепиться на данной территории. Пётр Колпаков командовал взводом разведки. Ему поручили ответственное задание: проникнуть в тыл немцев и выяснить их силы. Он взял с собой двух наиболее опытных и сильных разведчиков Новикова и Юркова.

В город Инорославль проникли легко. Немецкие солдаты оказались беспечными. Не было даже постов. Постучали в один из домов. Открыл хозяин-поляк. Он понимал русский язык. Объяснил разведчикам, что в доме местного католического священника - ксёндза расположен немецкий штаб. Поляк взялся проводить разведчиков до этого дома.

У дома ксёндза расхаживал часовой. Пришлось его убрать. Ворвались в дом. Немцы, сидевшие за большим столом, опешили. Колпаков крикнул: «Хенде хох», и офицеры покорно встали и подняли руки вверх.

У немцев отобрали оружие, забрали карты, документы. Вывели во двор и посадили в их же автобус. Среди пленных был генерал. Новиков сел на место шофёра (на гражданке он шоферил), рядом посадил генерала. Надо было проскочить контрольно-пропускной пункт. Как быть? Колпаков выразительно смотрит на генерала, упирая ему в бок ствол пистолета. Тот кивает головой. Понимаю, мол, не стреляй. Подъехали к шлагбауму. Генерал прокричал по-немецки: «Открыть шлагбаум!» Команда была выполнена. Автобус стремительно помчался на восток.

Этот подвиг Петра Ивановича Колпакова стал известен самому Георгию Константиновичу Жукову. Он принимает решение лично вручить гвардейцу золотую звезду Героя. После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года о присвоении Петру Ивановичу Колпакову звания Героя Советского Союза маршал Г.К. Жуков вызвал прокопчанина в свой штаб и лично прикрепил звезду Героя на его гимнастёрку: «Молодец, сибиряк! - похвалил сержанта полководец, - ловко ты генерала приволок».

«Никак нет, товарищ маршал, - возразил Колпаков, - привёз на ихнем автобусе. Культурненько». Неожиданно для Колпакова и генералов Жуков расхохотался и попросил рассказать о подробностях. 24-летний воин умел рассказывать, и ещё несколько раз, как ребёнок, смеялся суровый маршал.

Потом был праздничный обед. Пётр Иванович сидел рядом с полководцем.

Повезло прокопчанину и при взятии Берлина. Остался жив. Видел поверженного врага. Потом - возвращение домой, курсы горных мастеров, работа на «Красном Углекопе». Из-за многих ранений ухудшилось здоровье. Пришлось переехать в село. Так Пётр Иванович стал ещё и прокопчанином-селянином.

ПОЛНЫЕ КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СОЛДАТСКОЙ СЛАВЫ

НЕ ДОЖИЛ ДО ПОБЕДЫ

Иван Андреевич Макаров

Он родился в деревне Пушкино Бурлаковского сельского Совета в 1917 году. Погиб недалеко от Берлина 19 апреля 1945 года, не дожив до Победы только 20 дней. До войны работал учителем в Катинской, а потом в Еловской начальных школах Оселковского сельсовета.

Иван Андреевич Макаров ушёл на фронт добровольно. Поскольку он уже отслужил действительную службу, военное дело он знал отлично. Ещё свежа была память о Красной Армии, ведь он вернулся домой лишь в 1940 году.

Во время тяжёлых боёв под Москвой артиллерист Иван Макаров несколько раз отличился. Поступил приказ откомандировать солдата в артиллерийскую разведку. Артразведчиком быть опаснее, чем просто разведчиком. Необходимо находиться под носом у противника и по радиации передавать на свои огневые позиции о расположении живой

силы и техники врага. И такая работа была постоянной: не день, не месяц, а годы.

В течение трёх лет Иван Макаров наград не получал. Было даже обидно. Во время Белорусской операции летом 1944 года подразделения дивизии, в которой служил Макаров, попали под мощный артиллерийско-пулемётный огонь и залегли. Разведчик подобрался к позициям немцев, засёк их боевые точки и сообщил координаты врага на свою батарею. Мощным огнём налётом огневые точки гитлеровцев были сметены, пехотинцы пошли в атаку и захватили позиции немцев. Иван Макаров впервые был награждён медалью «За отвагу».

В то же лето 1944 года завязались тяжёлые бои при форсировании реки Западный Буг. Макаров находился на передовом наблюдательном пункте около деревни Волчино. Он точно засёк позиции немцев и сообщил на батарею. Вновь удача. Вскоре ему вручили орден Славы третьей степени.

Прошло несколько недель. В сентябре 1944-го завязались тяжёлые бои на польской земле. Иван Макаров несколько раз сообщает точные координаты расположения фашистов. От артиллерийских налётов они теряют десятки единиц боевой техники и сотни солдат и офицеров. Разведчик Макаров получает орден Славы второй степени.

Первый Белорусский фронт, в котором служил Иван Андреевич Макаров, зимой и весной 1945 года освободил почти всю центральную Польшу и вышел на дальние подступы к Берлину. 16 апреля 1945 года началась Берлинская операция. Войска фронта с тяжёлыми боями продвигались к Берлину. На четвёртый день наступления отважный разведчик-артиллерист Иван Макаров убит в бою. Он не дожид до Победы и не получил свою последнюю награду - орден Славы первой степени, Указ о котором был издан только 31 мая 1945 года.

**ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА
СОЛДАТСКОЙ СЛАВЫ
ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ НЕХОРОШКОВ**

Его хорошо знают в Прокопьевском районе. Я его знаю больше тридцати лет. Владимир Григорьевич - прирождённый юморист. В любой компании он на первых ролях. Главное его качество - исключительная внимательность.

Уроженец Алтайского края 16-летний Владимир Нехорошков, работая секретарём Антипинского сельского Совета, прибавляет себе год и попадает в Новосибирское военное училище. Только что успешно закончилась Сталинградская битва. Назревали грозные сражения лета 1943 года. А он, жаждавший боя, всё учится да учится. И не сбежишь на фронт из училища. Наконец-то училище закончено. На погонах лычки старшего сержанта. Направляется в противотанковые войска. Тяжеленное противотанковое ружьё - не подарок. Но оно спасло жизнь Владимира в первом же бою на белорусской земле. В этом бою сержант подбивает два немецких танка. Наградой стала медаль «За отвагу».

Бронебойщик - дело святое, но мечтал с детских лет Владимир о том, как станет разведчиком. Командование не препятствует стремлению молодого сибиряка. Он становится одним из разведчиков 110-го гвардейского полка. Рейды в тыл противника следуют один за другим.

В апреле 1944 года группе разведчиков было приказано привести «языка». Тяжёлым оказался поиск. И всё-таки в штаб был доставлен не один, а два пленных немца.

Решающую роль в их захвате сыграл Владимир Нехорошков, за что и получил орден Славы третьей степени.

Во время Висло-Одерской операции в феврале 1945 года Владимир участвует в разведке боем и единолично захватывает шестерых пленных. За этот подвиг отважный разведчик награждён орденом Славы второй степени. Близилась победа. В апреле 1945 года воевали уже под Берлином. Судьба гитлеровского рейха висела на волоске. Вместе с пехотой разведчики Владимира Нехорошкова участвовали во взятии немецкого городка Гриффенген. И вновь отличился наш земляк. И новая награда - орден Славы первой степени. В 19 лет стать полным кавалером солдатской Славы - тоже подвиг. В том бою под Гриффенгеном получил Нехорошков тяжёлое ранение. Предчувствие скорой победы заставило его, не долечившись, бежать из госпиталя в свою часть. Западнее города Штеттин узнаёт он о долгожданной победе.

Нелегко пришлось после войны юному герою. Впоследствии он вспоминал: «Один раз так прижало, что решил продать золотой орден Славы первой степени. Пожилой ювелир отговорил».

Работал Владимир Григорьевич и в милиции, и в Прокопьевском райкоме партии парторгом совхоза «Прокопьевский». Потом был директором школы в посёлке Верх-Егос, а позднее работал историком в этой же школе.

НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ПОЛОСУХИН

Имя полковника Виктора Ивановича Полосухина широко известно не только в Кузбассе, но и далеко за его пределами. Улицы имени Полосухина есть в Москве, Можайске, Гжатске. На могиле отважного комдива в Можайске лежат цветы не только во время торжеств, но и в любой будничные день, зимой и летом. В честь воинов 32-й стрелковой дивизии, которой командовал В.И. Полосухин, на знаменитом Бородинском поле установлено пять скромных обелисков. Танк Т-34 под №301 застыл рядом с могилой П.И. Багратиона и памятником полосухинцам. Однако мало кто знает, что рядом с В.И. Полосухиным, под его непосредственным командованием, в октябре 1941 года на Бородинском рубеже дрались сотни кузбассовцев, среди которых было немало прокопчан, как селян, так и горожан. Да и сам полковник связан с прокопьевской землёй довольно тесными узами. Он родился 13 февраля 1904 года на одном из золотых

приисков Горной Шории. Вскоре родители переехали в город Кузнецк-на-Томи (ныне Новокузнецк). Умер отец. Очень тяжело было матери с многочисленным семейством. Малолетнего Виктора каждое лето отправляли в село Спиченково Прокопьевской волости. Здесь проживал дальний родственник Полосухиных. Виктор с младшим братом Антоном жил в Спиченково по целому лету, помогая хозяину в крестьянских его трудах, занимаясь рыбной ловлей в чистой речке Абе. Бывали братья в соседнем Зенкове, а по праздникам родственник возил их в село Прокопьевское. Будучи взрослым, приезжая в Кузнецк в отпуск, Виктор часто вспоминал счастливые времена пребывания в Спиченково.

Александр Филиппович Наумов был призван в армию за год до начала войны из Киселевского овощного совхоза и служил в 32-й стрелковой дивизии В.И. Полосухина. Он был рядовым 322-го стрелкового полка. Шесть суток оборонял центр Бородинского поля, а 18-19 октября А.Ф. Наумов вместе с сапёрами и красноармейцами комендантской роты дивизии защищал деревню Кукарино, находившуюся на восточной окраине Бородинского рубежа. Там, в Кукарином лесу, он и погиб вместе с десятками воинов дивизии.

В 6-й роте 2-го стрелкового батальона 322-го полка первым номером пулемётного расчёта служил **Григорий Степанович Стафеев**, призванный в 1940 году из того же Киселевского

совхоза, что и А.Ф. Наумов. Он тоже погиб на Бородинском поле. К сожалению, место его гибели неизвестно.

Отдельный зенитный дивизион 32-й дивизии состоял, в основном, из прокопчан и уроженцев Волчихинского района Алтайского края. Командовал дивизионом капитан Дереха.

12 октября 1941 года дивизион получил задачу: расположиться в деревне Татариново. Прикрывать позиции стрелковых подразделений, находившихся западнее, в районе деревень Семёновское, Горки, Бородино. Не лишне напомнить, что в Татариново в 1812 году М.И. Кутузов расположил главный штаб русской армии. Зенитчики были людьми грамотными и знали об этом историческом факте. Это вдохновляло их. Моральный дух бойцов и командиров был высок. Одна беда - в дивизионе отсутствовали бронебойные снаряды. Зенитчики были слабо подготовлены к борьбе с наземными целями.

16 октября 1941 года командование 5-го немецкого моторизованного корпуса, с трудом прорвав оборону на Бородинском рубеже, направило несколько танков и батальон пехоты взять деревню Татариново.

Дивизион располагал четырьмя орудиями, семью крупнокалиберными пулемётами и четырьмя счетверёнными установками. Огневые точки были замаскированы в Татариновском лесу. Когда появились танки и пехота противника, капитан Дереха приказал огня не открывать. Перед боем договорились бить по фашистским танкам шрапнелью. Все четыре орудия должны были стрелять по одному танку одновременно, потом - по-другому и так далее.

Шрапнельные снаряды, ударяясь о прочную броню танка, не пробивали её, но корпус танка сотрясался так сильно, как будто по нему били громадной кувалдой. Позднее через разведчиков зенитчики узнали, что от ударов шрапнели внутри немецкого танка отлетали кусочки и куски брони, попадая в лица танкистов и калеча их. От ударов шрапнели немецкие танки сперва пятились, а потом круто поворачивали назад и бежали с поля боя, как и пехота, их сопровождавшая. Десятки солдат и офицеров противника остались лежать на суглинистой бородинской земле. В течение 16 октября гитлеровцы предприняли ещё восемь атак на позиции сибиряков. Эскадрилья немецких самолётов пикировала на зенитчиков. Два самолета были сбиты.

Противник небольшими группами стал просачиваться в тыл дивизиона. Пришлось занять круговую оборону. В боях особо отличился прокопчанин Шарафьян Мамлетович Газизов. Его пулемёт уложил несколько немецких солдат и офицеров. К боевым наградам за мужество были представлены Михаил Гаденов, Александр Балахнин, Моисей Филиппович Сорокин, Николай Петрович Сынков, Николай Васильевич Калмыков, Евгений Костенко, Олег Шурунов, Дмитрий Михайлович Кожухов. В этом бою погибли прокопчане Соснин и Закурдаев.

Рядом с величественным обелиском фельдмаршалу М.И. Кутузову на Бородинском поле установлен памятник в честь воинов 53-го зенитного полосухинского дивизиона.

В ночь с 16 на 17 октября фашисты отошли на исходные позиции. От командира дивизии пришёл приказ отойти на восток, к Можайску, сохранив материальную часть. Капитан Дереха и его начальник штаба Кондрашкин сумели организовать отход. Погибших похоронили, раненых перевязали и отправили в медсанбат. В бою погибло два зенитных орудия. Пулемёты и счетверённые установки уцелели. Из 115 кузбассовцев в этом бою погибло 43 человека. Все оставшиеся в живых были ранены. Большинство осталось в строю.

18 октября 1941 года В.И. Полосухин получил приказ отвести дивизию с Бородинского рубежа. Она понесла невосполнимые потери. Фактически заново пришлось формировать два стрелковых и оба артиллерийских полка и все подразделения, в том числе и зенитный дивизион.

В декабре 1941 года артиллерия дивизии сумела уничтожить танковую группировку немцев под селом Акулово. Началось контрнаступление советских войск под Москвой. Дивизия

**Железобетонный блиндаж
в центре Бородинского поля -
наблюдательный пункт В.И. Полосухина**

В.И. Полосухина с тяжёлыми боями шла на запад. Вот и Бородинское поле. Виктор Иванович полчаса простоял у железобетонного блиндажа, в котором располагался его штаб в октябре.

В феврале 1942 года завязались ожесточённые бои за город Гжатск (ныне Гагарин). 13 февраля Виктору Ивановичу исполнилось 38 лет. Боевые товарищи поздравили его. Отмечать было некогда. За два с половиной месяца непрерывных боёв дивизия вновь была обескровлена. Полки по числу штыков превратились в

батальоны, а батальоны в роты неполного состава.

«В ночь с 17 на 18 февраля 1942 года,- вспоминал друг и однополчанин Полосухина полковник В.К. Чевгус, - Полосухину позвонили из Москвы. После телефонного разговора он стал мрачен. Как потом я узнал, звонил сам И.В. Сталин. Не могу знать, что сказал Верховный Виктору Ивановичу, но без труда догадываюсь о недовольстве Сталина действиями дивизии и её командира».

В тот период войны И.В. Сталин нередко звонил низовым командирам. Он не всегда верил докладам командиров и даже командующих фронтами. Позднее стало известно, что в конце короткого телефонного разговора Сталин бросил в адрес Полосухина несколько резких слов.

«В тот же день - 18 февраля, - писал В.К. Чевгус, - я прощался с Виктором Ивановичем. Я был назначен на новую должность в другую дивизию. Он обнял меня и сказал: «Прощай, Вася! Служил ты честно. Спасибо тебе. Не забывай нас. Прощай!» С тяжёлым сердцем я ушёл на новое место службы, где и вступил в командование артиллерией дивизии. А вечером того же дня до меня дошла весть, что Виктор Иванович погиб».

Восточнее Гжатска, между деревеньками Иванники и Васильки, были расположены позиции двух батальонов полосухинской дивизии, которым предстояло 21 февраля идти на прорыв немецких укреплений. В полдень 18 февраля вместе с группой офицеров Полосухин прибыл на рекогносцировку в этот район, чтобы лично выяснить обстановку и поставить командирам батальонов задачи на прорыв немецкой обороны. Местность изобилвала перелесками. Вскоре группа во главе с В.И. Полосухиным оказалась на опушке небольшого леса. «Если наступление на 21-е не отменяют, я сам поведу вас на прорыв, - сказал комдив. - Лучше подняться в атаку вон у того леска». Полосухин показал на небольшую рощицу, расположенную метрах в сорока на запад. «Там можно, - продолжал полковник, - скопиться затемно и оттуда рвануться к Василькам». Комбаты согласно кивали головой.

В этот миг ударила пулемётная очередь из того леска, на который только что указал комдив. Пуля ударила в грудь полковника, пробив хранившийся в кармане гимнастёрки партийный билет. Полосухин и ещё несколько человек упали. Видевшие это из окопов бойцы бросились на помощь, но офицеры остановили их. Через несколько минут десяток разведчиков поползли к опушке, где лежал комбат. Рискую жизнью, один из разведчиков дополз до комдива. Тот был мёртв. Уже три пулемёта противника били по месту гибели Полосухина. Храбрец-разведчик тоже получил ранение. Командир роты доложил в штаб дивизии. Через час оттуда прибыл начальник штаба. Он приказал вынести тело Виктора Ивановича при наступлении темноты.

Хоронили Виктора Ивановича 20 февраля в центре города Можайска. Его дивизия обороняла этот древнерусский город. Несколько километров от железнодорожной станции под траурные марши несли бойцы и командиры гроб, в котором непривычно спокойно лежал их комдив. Он был одет в кожанку, к которой прикрепили орден Красного Знамени, вручённый Виктору Ивановичу за несколько дней до гибели.

Почти ни о ком из наших земляков, кроме В.И. Полосухина, не сказано так много тёплых и умных слов. В своей

знаменитой книге «Воспоминания и размышления» маршал Г.К. Жуков писал: «На Можайском направлении против 40-го моторизованного корпуса врага, поддержанного большой группой танков и авиации, особенно упорно сражалась 32-я Краснознамённая стрелковая дивизия полковника В.И. Полосухина. Спустя почти 130 лет после похода Наполеона этой дивизии пришлось скрестить оружие с врагом на Бородинском поле, том самом поле, которое давно уже стало нашей национальной святыней, бессмертным памятником русской воинской славы. Воины 32-й стрелковой дивизии не уронили этой славы, а приумножили её». В этой же книге Г.К. Жуков аттестует В.И. Полосухина «весьма опытным командиром». Лестная оценка в устах сурового полководца.

Выдающийся поэт и прозаик советской эпохи Константин Михайлович Симонов, лично знавший Виктора Ивановича Полосухина, писал через тридцать лет: «Дивизия, которой командовал он, была в зиму 1941-1942 годов одной из самых знаменитых дивизий на Западном фронте и в Пятой армии генерала Л.А. Говорова. В неё часто ездили корреспонденты, и к тому имелись все основания. Я был в ней дважды, слышал много добрых слов в адрес комдива. Без его имени не обходился ни один разговор. Дивизия называлась «Полосухинской».

Мужество и личную храбрость Виктора Ивановича отмечали его непосредственные начальники.

Командующий 5-й армией генерал-лейтенант Л.А. Говоров (будущий маршал Советского Союза) рассказывал: «Южный прорыв немцев на Бородинском рубеже разбился о стойкую оборону части, которой командовал полковник В.И. Полосухин. Фашистские танки вышли непосредственно на его командный пункт. Полковник и бывшие с ним командиры не растерялись, остались на командном пункте, продолжали руководить боем и организовали отпор врагу. Из 40 вражеских танков 10 были уничтожены, остальные отошли».

Тепло отзывались о В.И. Полосухине в своих статьях и книгах выдающиеся полководцы, такие как маршалы И.С. Конев и К.К. Рокоссовский, генералы армии Белобородов и Лелешенко, а также генерал-полковник Переверткин и немало других известных военачальников.

Русский поэт-сибиряк Сергей Васильев посвятил В.И. Полосухину и воинам его дивизии поэму «Москва за нами», в которой ещё в 1942 году прославил погибшего комдива и его бойцов, живых и павших.

Бывший адъютант Виктора Ивановича, полковник в отставке Ф.С. Иванов через тридцать лет вспоминал: «Виктор Иванович был человек особенный. Работая с ним, его не любить было нельзя. Он для меня, двадцатилетнего лейтенанта, был и другом, и отцом».

В октябрьские дни 1941 года, во время бородинских боёв, комиссаром дивизии являлся Г.М. Мартынов. После войны он писал: «В.И. Полосухин любил своих людей, заботился о них, и они любили его и шли за ним на самые трудные дела, не останавливаясь перед страхом смерти».

Редактор дивизионной газеты А.М. Вахрушев подчёркивал: «Виктор Иванович очень ценил время, не любил болтунов. Он удивлял нас всех работоспособностью, мог не спать несколько суток».

Ветеран дивизии полковник Н.П. Нечаев в одной из своих статей утверждал: «Виктор Иванович по воинскому таланту заслуживает такой же славы, как генералы Панфилов и Доватор».

Дагестанский писатель Хаджи Мурат Мигуев, некоторое время служивший под началом В.И. Полосухина, в 1966 году писал: «...И сейчас все оставшиеся в живых ветераны 32-й дивизии помнят и чтут имя дорогого нашего комдива. Я горжусь, что в напряжённые дни обороны Москвы в этой дивизии находился под командованием одного из лучших наших командиров».

Память о В.И. Полосухине жива и сегодня. Под городом Новокузнецком расположена железнодорожная станция Полосухино. Экспозиции, посвященные памяти комдива, есть в Бородинском военно-историческом музее и московском музее Вооружённых Сил, а также в Новокузнецком городском музее.

Комнаты боевой славы, посвященные В.И. Полосухину и его дивизии, расположены в десятках школ Российской Федерации, в том числе и в Каменно-Ключевской средней школе Прокопьевского района. Сотни и сотни учеников узнают о подвигах Виктора Ивановича и его бойцов из года в год. Потому память о нём сохранится надолго.

Мемориал на Бородинском поле

БОРОДИНО

Октябрь 1941 года

Предлагаемые стихотворные строки «Бородино. Октябрь 1941 года» впервые я прочитал в городе Саратове на встрече ветеранов полосухинской дивизии в мае 1972 года. Пятьсот человек, среди которых были «и генерал, и рядовой» долго и яростно аплодировали. Потом бывший комдив С.Т. Гладышев, принявший дивизию после гибели В.И. Полосухина, писал мне: «Твои стихи так тронули моё сердце, что прошу прислать ту газету, в которой они напечатаны». Таких просьб было много. Я посылал, перепечатывая на машинке.

Летом того же 1972 года мне посчастливилось встретиться с маршалом Г.К. Жуковым. Мой друг полковник В.К. Чевгус, лично хорошо знавший великого полководца, сумел добиться этой встречи. Я им обоим читал своё «Бородино». Эти суровые люди утирали платочком скупые слёзы, выступавшие, казалось, не из глаз, а из самого сердца.

- Уважил, молодой человек, спасибо. Наградил бы тебя, да нечем,- сказал Жуков и крепко пожал мне руку. - Так держать.

Мне не удалось писать стихи. Жизнь не позволила, но то, что написано, хотелось бы предложить читателю - ветерану ли, молодому ли человеку. Может быть, стихи эти тронут их сердца, как тронули сердце маршала Георгия Константиновича Жукова.

Владимир Шабалин.

БОРОДИНО

Октябрь 1941 года

*Памяти воинов 32-й стрелковой дивизии
полковника В.И. Полосухина, павших
на Бородинском поле во время боёв
в октябре 1941 года*

1. На фронт

С Востока Дальнего на запад эшелоны,
Привстав над рельсами, напрягшись, как струна,
Несут неизвестные пока что батальоны
В края, где властвует священная война...

Сентябрь укутал золотом Россию.
Её сибирские безбрежные поля
Вслед эшелонам шепчут: «Дорогие,
Победы вам, иль пухом вам земля».

Задумчиво глядит на эшелоны
Уральский добродушный старый лось.
Рога ветвистые опущены в поклоне,
В глазах печальных сгустки светлых слёз.

..Но слишком деловиты семафоры.
Вздывая над собой зелёный свет,
Приказывают строго: «Выше скорость!»
И направляют поезда к Москве.

Полковники, сержанты, капитаны
И главный тот, чье имя «рядовой»,
Вполголоса - про танки да про танки,
Про вражеские танки под Москвой.

К Москве скорей, скорей, скорее, поезд!
Не тормози и не жалея колёс!
Готовы мы, давно готовы к бою,
Врага сумеем сбросить под откос.

Они крылаты и крылат их поезд,
Летящий сквозь Россию в бой, вперёд.
Всё будет после: обелиски, «Поиск»,
Прославит их в столетиях народ.

И, сами о сраженьях вспоминая,
Они напишут краткий свой рассказ:
«Стояли насмерть. Надо – умирали.
И воскресали, если был приказ».

Ну а сейчас, в дни сентября, литые
Из золота, пшеницы и берёз,
Комдив, и тот не знал ещё, какие,
Когда и где бои после колёс.

2. Враги

Ещё не ведал генерал немецкий
(Со стажем генерал, с приставкой «фон»),
В резерве с корпусом стоявший у Смоленска,
Куда его пошлют, где будет новый фронт.

Тревога на душе у генерала -
Темп наступленья крайне низким стал.
Полкорпуса уже в земле лежало.
Не до восторгов, не до криков «Хайль!»

Солдаты хмуры. Белые берёзы
Не вызывают в их сердцах восторг.
Октябрь идёт, и скоро уж морозы!
И чёрт-те знает, как велик восток.

За корпусом широким длинным шлейфом
Берёзовых крестов бесчисленная рать.

Оркестры натерели (трубы, флейты!)
Гимн похоронный мастерски играть.

Но ничего. Последнее сражение
Над «и» расставит точки навсегда.
Долой хандру, долой эти сомненья.
Полкорпуса?... Не велика беда.

Соединенье снова полнокровно.
Врага сразит мой танковый таран.
Мы победим! В Москве и Подмосковье
Германский прогремит победный барабан!

И корпусные штабники-педанты
Лелеют стрелы, острые, как штык.
Шуршанье карт. Чуть слышно: «Битге, данке».
Прекрасны стрелы. Рад педант-штабник.

Нанизаны на стрелы деревеньки.
Проткнут Можайск навывлет, на убой.
Конечно же, и Ванькам, Манькам, Стенькам
Пронзённым быть. Так велено судьбой.

3. Бородинское поле

- Вы прибыли, - сказали семафоры,
Свет красный поднимая над собой.
- Стружайтесь поскорее - и за город.
Враг недалёко, за Колочь-рекой.

Но что это? Взволнованно солдаты
Глядят вперёд. Там обелисков строй.
«Не может быть!» - «Да что ж это, ребята,
Никак Бородино?» - «Бородино!»

- «Нет, нет! Мы не уйдём отсюда!»
- «Кутузов сам и сам Багратион!»
- «Назад ни шагу!» - «Ох и жарко будет!»
Тут призадумался всерьёз Наполеон.

Боец припомнил, что далёкий предок
В двенадцатом здесь голову сложил,
Был по преданиям отважен он и крепок,
Не это б поле, сотню лет прожил.

Все чувствуют, шагая полем славы:
И сердца стук, и бронзу тел своих.
И каждый, сам с собою не лукавя,
Подумал: «Буду драться за троих,

А если надо, если будет нужно,
На танк, на пулемёт, на миномёт
С гранатой, с автоматом, безоружным
Пойду... И не умру, а он - умрёт».

4. Враги

«И где Москва, и что задумал фюрер?
И скольким немцам мордой в грязь лежать
Блицкриг тью-тью... «Тайфун», конечно, буря,
Но как бы не пришлось нам умирать.

А, в общем-то, коль верить генералам,
Москва от нас не так уж далеко.
Вот только ветеранов в роте мало,
Полроты мокрогубых сопляков.

Дружки мои от Буга и до Гжатска
Навеки под крестами залегли...
Мне повезло, да что-то часто снятся
Два метра русской каверзной земли».

И унтер-офицер немецкий Мюллер,
Вдохнув тихонько (гауптман не спит),
Всё размышлял: «Что думает наш фюрер?
И где это так раненый вопит?

Приказано назавтра быть в Можайске,
Недаром гауптман всю ночь корпит
Над картами. Наверно, будет жарко.
Иваны злы. Спать надо, Мюллер, спи».

5. Полковник Полосухин

Четыре шпалы у тебя в петлицах.
И жизнь вся впереди! Всё впереди!
Сегодня счастлив ты и радостен. Так птица,
Из клетки вырвавшись, под облака летит.

Четыре шпалы у тебя в петлицах.
Мильон забот. И фронт твой так широк,
Что по ночам тебе совсем не спится.
Ты вспоминаешь свой Кузнецк, Восток...

Но все эти виденья заслоняя,
В глазах твоих стоит только одно:
Клочок земли Российской да святая
Деревня, имя чьё Бородино.

Да, веришь ты своим краснознамёнцам.
Не подведут, не дрогнут, нет! Но всё ж?
Пред танками вдруг сердце встрепенётся
Хоть чьё-нибудь... Бойцы-то молодёжь.

Вот Федя Чихман. Парень он отважный.
Ну, а рука-то у него крепка?
Останется один? Оружие откажет?
Сумеет паренёк тогда сдержать врага?

Под силу ли, под силу ли, Федоша,
В твой-то девятнадцать здесь стоять?
А заробеешь? Гром немецких пушек
Сурово будет завтра грохотать.

Да что с тобой? Волнуешься, полковник?
Всю жизнь готовился, а завтра утром - в бой.
На все четыре, кажется, подкован,
И не обижен, кажется, судьбой?

А вот волнуешься. И сердце не на месте.
И мысль глупейшая: «Вот в бой бы рядовым.
И строчка в голову одна и та же лезет:
«Сто двадцать километров до Москвы»».

6. На южном фланге Бородинского поля

По автомагистрали на Артемки
Колонна танков вражеских ползла.
Играют на губных гармошках громко,
Открыты люки. Наглые глаза.

Урал ещё куёт „тридцатьчетверки»,
Год сорок первый только на дворе...
Без авиа и танков за Артемки
Семнадцатый* дерётся на заре.

И днём воюет, и под вечер битва,
А ночью - полыханье контратак.
Артемки вновь, в десятый раз отбили,
И воеет минами отчаявшийся враг.

К Артемкам утром вновь по магистрали,
Задраив люки намертво, всерьёз,
Крестатые ползут из рурской стали,
Сминая роци молодых берёз.

Гремят, гремят винтовочные залпы,
«Сорокопятки» ахают подряд.

А вот и голос Чевгусова ГАПа*,
Крестатых настигает враз инфаркт.

Отговорились рыком своим хамским
И лязгом траковым отскрежетались. Все!
Горят по пять и в одиночку танки,
К Берлину дым и гарь от них несёт.

7. Бородинское поле

О поле, поле! Всё ты поседело.
Не по плечу что ли военная страда?
Пятнадцатого утром снегом белым
Прикрыта боевая нагота.

Пятнадцатого утром унтер Мюллер
Напуган был твоею белизной.
Молился он. Шептал: «Проклятый фюрер,
Ты разлучил меня навек с семьёй».

Да-да, конечно, всё теперь пропало,
И гауптман лежит уж под крестом;
Взашей вперёд нас гонят генералы,
И смерть таится под любым кустом.

Нет, не хочу я брать те Горки*,
Пусть Гитлер сам приходит и берёт.
И сердце стонет, и дрожат печёнки,
А с автоматом он на Горки прёт.

Дружки его от Буга и до Гжатска
Навеки под крестами залегли...
С пятнадцатого Мюллеру не снятся
Два метра русской каверзной земли.

Шёл в контратаку ОРБ* бесстрашный.
С гранатой, как со знаменем, комбат
Был впереди. В него-то и разряжен
На пол-обоймы чёрный автомат.

Ты, Мюллер, не сумел убить комбата,
Но пуля, пуля чёрная твоя,
Столкнувшись в воздухе с комбатовской гранатой,
Столб высекла разящего огня.

Комбат, комбат, отважный Корепанов!
В тыл надо. В тыл скорее уходи.
Но ты твердишь: «Да разве это рана?
Я без руки сумею победить!»

С пятнадцатого Мюллеру не снятся
Два метра русской каверзной земли.
Его штыками кончили ребята
Из ОРБ, а немцы погребли.

8. Сержант Жданов

Сержант семнадцатого Александр Жданов
Один остался на КП полка,
Один отстаивает полковое знамя.
Изранен весь, но страшен он врагам.

Гранаты только три, патронов два десятка.
И жизнь одна, и знамя лишь одно.
Последняя вот-вот настанет схватка.
- «Взорвусь со знаменем и с ними заодно».

Молчат фашисты. В сотне только метров.
Лежат, а трусят, даже не ползут.
«Прошли вы, гады, тыщи километров,
Но скоро, скоро будет вам капут».

- «А не зарыть ли, не запрятать знамя?
Калинин ведь вручал его полку...
Шальной осколок или пуля ранят,
Тогда-то знамя попадёт к врагу».

Но думы тяжкие сержанта прерывая,
Вдруг грянуло нежданное «ура!».
Красноармейцев группа небольшая
К сержанту Жданову на помощь подошла.

Её привёл сам комиссар Мартынов...
Путь устилая трупами врага,
Со знаменем сквозь пушки, танки, мины
Пробилась группа. Радость велика!

Ведь знамя полковое снова дома,
Семнадцатый не опозорен полк.
Коленопреклонённо у Артемок
Бойцы целуют бархатистый шёлк.

9. Враги

Взбешён донельзя генерал немецкий:
(Со стажем генерал, с приставкой «фон»)
«Какой-то сибиряк, полковничек безвестный
Шесть суток держит Бородинский фронт».

Беззубово* не может взять и Горки,
Под Юдинками* поражение тож,
А в эти распроклятые Артемки
Не проползёшь, ни шагом не пройдёшь.

Сейчас на север, в сторону Псарева*,
Направлю я свой танковый таран.
Мы их сразим. В Москве и Подмосковье
Германский прогремит победный барабан».

Теперь уже два корпуса фашистских
(Шесть генералов, шесть штабов больших),
Прикрывшись танками, ползут, ползут на приступ.
Язык наружу. Слышен жуткий шип.

10. Вернёмся мы

...И в день шестой не сдали вы позиций,
Богатыри дивизии стальной.
Шесть генералов долго будут злиться
И помнить будут Бородинский бой.

Шесть генералов. Шесть дивизий грозных
(Хватило б их, чтоб захватить страну)
Здесь в октябре, сухом и безморозном,
Разбились о дивизию одну...

А ей приказано позиции оставить,
Прикрывшись арьергардом, отойти.
«Прощай пока, о поле русской славы.
Вернёмся мы. Немного подожди!»

Дивизия, твой славен путь победный!
И Гжатск, и Ельня, Рига и Огре...
Но много раньше стала ты бессмертной
На поле Бородинском в октябре!

Владимир Шабалин

* ГАП - гаубично-артиллерийский полк, которым командовал В.К. Чевгус;

* ОРБ - отдельный разведывательный батальон, которым командовал Корепанов;

* 17-й-стрелковый полк 32-ой дивизии;

* Беззубово, Горки, Юдинки, Артемки, Псарёво – деревни на Бородинском поле и рядом с ним, в районе которых вела ожесточённые бои 32-я дивизия В.И. Полосухина.

СТАЛИНГРАДЦЫ

Михаил Константинович Тенешев

Не только по значению, но и по размаху Сталинградская битва была величайшей из всех сражений, которые знало человечество к 1942 году. У стен Сталинграда воевали тысячи кузбассовцев, среди которых несколько сот прокопчан, как горожан, так и селян. Большинство участников Сталинградской битвы погибло в ходе этой битвы или после неё. Здесь будет рассказано о тех, кому удалось, пройдя огонь Сталинграда и других сражений, вернуться домой.

В неполные 18 лет Михаил Тенешев был призван в армию и направлен в Барнаульское пехотное училище, после ускоренного выпуска попал под Сталинград в 214-ю стрелковую дивизию. Советское контрнаступление под Сталинградом шло полным ходом. Дивизия из района Паньшино вела наступление на посёлок Вертячий. Все подходы к нему не только обстреливались, но и заблаговременно были обнесены колючей проволокой, оснащены бесчисленным количеством малозаметных препятствий, плотно заминированы.

Саперная рота, в которой служил М.К. Тенешев, была многонациональной. Большинство солдат прибыло из Средней Азии. Командир полка М.А. Горбачев вызвал лейтенанта и приказал: «Будешь командовать ротой. Там сплошь не говорят по-русски. А ты шорец и по-ихнему понимаешь». Михаил хотел возразить, но полковник скомандовал: «Приказ выполнять! Кругом марш!»

Новоиспеченный командир сапёрной роты приступил к выполнению задания. Через тридцать лет он вспоминал: «Большинство солдат было мусульманами. Когда кто-нибудь из них был убит или ранен, все сбегались в кучу и начинали не то молиться, не то плакать. Я подбегал, кричал, что бой идёт, что их всех накроет снарядом или миной. Кричал по-русски и по-шорски. Ничего не понимали. Был у нас ординарец из Новокузнецка Павел Иванецкий. «Ты их, лейтенант, матом! Может, поймут». Я материться не умел и говорил ему: «Сам рвани». Он был виртуозом в этом деле. Я стрелял вверх из пистолета, а Пашка материл их на чём свет стоит. Потом мы почти насильно разгоняли солдат по окопам. Через неделю всё вошло в норму. Пашкин мат действовал сильнее команды. А солдаты они были неплохие, особенно туркмены.»

От посёлка Вертячего до Сталинграда рота Тенешева разминировала десятки минных полей, потеряв половину состава. Минёры опытом не отличались. Чаше других рисковал сам Михаил да его отважный ординарец и друг - Пашка Иванецкий. Но им повезло. За победу под Сталинградом Михаил Тенешев получил орден Красной Звезды и медаль «За оборону

Николай Васильевич Романович

Сталинграда», Паша Иванецкий - ещё и медаль «За отвагу». Уцелевшие саперы все получили медали разного достоинства.

214-я стрелковая дивизия понесла тяжёлые потери. Здесь погибла знаменитая однополчанка Тенешева Гуля Королёва. Когда 2 февраля 1943 года советские солдаты праздновали победу в Сталинграде, где-то рядом с Михаилом Константиновичем Тенешевым радовался **Николай Васильевич Романович**, житель поселка Майский. Он тоже прошёл огонь Сталинграда. Потом оба они участвовали в гигантской битве на Курской дуге. Тенешев был тяжело ранен и комиссован вчистую. Вернулся в Кузбасс. Работал бухгалтером в лесной промышленности. Потом переехал на постоянное место жительства в Каменный Ключ, где и трудился главным бухгалтером Чумышского леспромхоза.

А Николай Васильевич Романович шёл тяжкими дорогами войны и после Курской битвы. Воевал он отважно, о чём говорят ордена Красного Знамени, Красной Звезды и многие медали. Был тяжело ранен и стал инвалидом.

В 93-й стрелковой бригаде воевал уроженец деревни Сафоново **Георгий Яковлевич Арыков**, один из представителей мощного семейного клана Арыковых. Бригада вела ожесточённые бои за посёлок Бекетовку, входивший в черту города Сталинграда. Его однополчанин из Рыбинского района Красноярского края писал через сорок лет об Арыкове следующее: «Я воевал в составе 93-й бригады, входившей в состав 64-й армии генерала-сибиряка М.С. Щумилова. Был адъютантом у командира бригады полковника Николая Захаровича Галая. Особенно тяжело было отстаивать высоту 340. Здесь-то меня и ранило смертельно. Похоронка на меня ушла домой. Она и сейчас у меня перед глазами. А я остался жив. Этим счастьем я обязан Георгию Яковлевичу Арыкову. Он, презирая смерть, под ливнем огня, сумел доползти до меня, оказал необходимую помощь и вынес с поля боя. Дорогие мои! Расскажите о подвиге моего кровного брата Георгия Арыкова его землякам сафоновцам и прокопчанам. Он настоящий герой».

Георгий Яковлевич и сам был ранен не раз. После войны часто болел. Но трудился в полную силу на транспорте города Прокопьевска. В последние годы перед пенсией был начальником одной из автоколонн.

Раиса Сергеевна Феданкова (урождённая Баранова) всю жизнь прожила в селе Карагайла, где родился и вырос Герой Советского Союза, генерал Григорий Иванович Чернов. Работала она учительницей. Вот что она сообщала в одном из писем: «Призвана в армию 25 мая 1942 года. Сразу после

**Раиса Сергеевна
Феданкова**

комиссии нас отправили в Кемерово на формирование эшелона. Из Кемерова эшелон двинулся на Харьков. До Харькова не доехали, так как город был захвачен немцами. Нас отправили по разным частям. Я попала в прожекторную роту. С этой ротой пешим порядком мы отходили на восток и прибыли в Сталинград. Город горел. Мы слышали по утрам красноармейское «ура»: наши контратаковали фашистов. В Сталинграде пришлось много работать. Ведь немецкая авиация была очень активна. Нередко пули, бомбы и снаряды залетали на позиции прожекторной роты. Девчата погибали, многие получили ранения. Мы пробывали в Сталинграде до конца ноября 1942 года. В то время немецкая авиация активность здесь снизила. Было не до этого. Ведь немцы в Сталинграде были окружены.

Нашу роту передислоцировали в район города Камышина, а потом в Саратов. Потом нас снова отправили на фронт. Победу встретила в Варшаве. Награждена медалью «За оборону Сталинграда». Имела воинское звание сержант, а должность – начальник прожекторной станции.

Мария Петровна Баранова жизнь свою после войны связала с селом Калачёво. А родилась она в Мариинском районе. Оттуда же ушла на фронт. Добровольно. Вот страница из её воспоминаний о том, как она и её товарищи-медики боролись за жизнь раненых бойцов: «Ничего героического я не совершила. Рядом со мной жили и воевали герои, а мы, медики, просто работали. Работа эта была тяжёлой, изнурительной. На нашу долю выпала ответственная задача - как можно больше солдат вернуть в строй, спасти жизнь тяжелораненым. Работали часто сутками. Переносили раненых на операции, на эвакуацию. Мы сортировали, мыли их, кормили, поили, успокаивали после того кромешного ада, из которого они выбрались. Но ведь и мы были рядом с фронтом, в самом Сталинграде или в двух-трёх километрах от него. Нашу санитарную роту бесконечно бомбили и обстреливали из пушек. Поэтому нашей обязанностью было укрывать раненых в блиндажах и окопах. Часто приходилось эвакуировать раненых в трудных условиях, под обстрелом.

Врачи-хирурги и хирургические сестры стояли у операционных столов по 16-18 часов без перерыва. Иногда мы их кормили стоя, во время операции. Спали по очереди по 2-3 часа в сутки. Таков был наш труд.

Первое знакомство с войной началось, когда мы подъезжали к Сталинграду. Мы впервые увидели итог войны. Навстречу нам двигался эшелон. Дымились вагоны, а в них наши раненые, обгоревшие бойцы и командиры. Многие из них умерли у нас на руках, когда мы стали оказывать помощь. Людей вынесли с поля боя. У них появилась надежда вылечиться и снова встать в строй, но немецкие лётчики распорядились по-своему. Сколько осталось в наших молодых сердцах горечи и ужаса от увиденного в тот первый для нас миг войны.

Много пришлось пережить в Сталинграде. Вспоминаю, как впервые наша санрота попала под бомбёжку. Мы расположились в небольшом саду и начали принимать раненых, которые поступали из пригородов Сталинграда, особенно из посёлка Городище. В суете и работе не заметили налетевших фашистов. От взрывов первых бомб мы растерялись, замешкались, но вскоре пришли в себя и начали спасать раненых, размещая их по щелям. Блиндажей там не было. Раненых мы спасли, но сами понесли тяжёлые потери. Погибла моя землячка Ольга Сибаева. Она до войны работала в Мариинском горкоме партии. Во время бомбёжки она дежурила в шоковой палате и поста своего не покинула. Всю её изрешетило осколками бомбы. Там в саду мы её и похоронили. Погибла и наша любимица военфельдшер Зина Аштаева. Были ранены и контужены врачи, сестры, санитары».

315-ая стрелковая дивизия формировалась в городе Барнауле. Перед началом Сталинградской битвы её передислоцировали в город Камышин. Телеграфист-морзист 900-

го отдельного батальона связи 315 дивизии **Илья Лаврентьевич Пятов** вспоминал: «В июле 1942 года сибиряков бросили севернее Сталинграда к посёлку Бекетовка. Дивизия находилась на марше, когда немцы предприняли первое наступление на Сталинград. С марша сибиряки вынуждены были принять бой. Это было у поселка Городище и у тракторного Сталинградского завода». Далее Илья Лаврентьевич Пятов свидетельствует: «Здесь и полегла наша 315 стрелковая дивизия, не успев окопаться и развернуться для боя. Погибли не только рядовые, но и комдив генерал Князев, и наш командир 900 батальона связи старший лейтенант Захаров, и командир моего взвода лейтенант Бызов из Прокопьевского района. Мне повезло, я остался в живых и продолжал служить в других частях».

**Илья Лаврентьевич
Пятов**

Остались в памяти солдата и многие детали того горького и героического времени, времени начала Сталинградской битвы. Он писал: «Стояло безоблачное сухое лето. Под Сталинградом, в сторону Дона, местность исчерчена балками и холмами. Голая, почти полупустынная степь. Ни кустика, ни даже травинки, кроме полыни, степняка и перекаченого поля. Наш обоз, состоявший из 15 пароконных бричек, на которых было всё имущество телефонистов и старшины роты, а также машины-рации, двигался по этой степи-пустыне. Перед остановкой на обед мы наломали в рощице, которую переезжали, много веток для костра.

Замаскировали подводы и машины-рации. Сами спустились в балку и остановились. В небе появился немецкий самолёт-разведчик «Фокке-Вульф», который солдаты называли «рамой». Пролетела эта «рама» над нами и исчезла. Мы особого внимания на неё не обратили. Кому нужен наш мирный батальон связи? Ошиблись мы крепко. Не успели сварить на кострах обед, как в небе загудело. Налетело не меньше двадцати немецких самолётов и начали нас бомбить и расстреливать из пулемётов. Минут через двадцать от обоза остались „ножки да рожки». Но чудеса на войне случаются. Погибли обозы, лошади, сторели наши небогатые пищей рюкзаки, а главное осталось в неприкосновенности - машины-рации. Потом они работали ещё многие недели».

Илья Лаврентьевич продолжал воевать. Встретил победу, но память о погибшей 315 дивизии, о свирепой бомбёжке их батальона сохранилась в его душе на всю жизнь. После войны он вновь работает учителем. Потом возглавляет одну из самых крупных средних школ Прокопьевского района - Терентьевскую. Нелёгким был труд директора сельской школы в 60-70 годы. Он скромно трудился, не возмущаясь несправедливым отношением к нему со стороны начальства. Я знал его тридцать лет, и только раз он проговорился о Сталинграде. Тоска в глазах Ильи Лаврентьевича перемежалась с болью. «Напиши когда-нибудь о том, что тебе рассказал», - тихим голосом попросил Илья Лаврентьевич и добавил: «Лет через двадцать напиши, а то не поймут». Я выполняю его просьбу ровно через двадцать лет.

Там же, где воевал Илья Лаврентьевич, недалеко от Сталинградского тракторного завода дрался с врагом ещё один терентьевец **Павел Яковлевич Дунаев**. Он был тогда пулемётчиком. Для него Сталинградская битва стала боевым крещением.

Их часть переправили через Волгу в сентябре 1942 года, и необстрелянные солдаты попали сразу под бомбёжку и пулемётно-артиллерийский огонь. В конце ноября 1942 года Павла Дунаева ранило в ногу выше колена. Его чудом переправили через Волгу. Лечился в

Павел Яковлевич Дунаев

Саратове. Потом снова фронт. Стал разведчиком. Однажды Павел возглавил разведгруппу. Взяли в плен двух немцев и утащили с немецкой батареи их пушку. Причём пленные старательно помогали волочь орудие в расположение воинской части. Дунаева и его трёх товарищей наградили медалями «За отвагу». За массу других подвигов Павел Яковлевич получил орден Отечественной войны I степени, что в годы войны было редкостью. Он дошёл до Берлина и радовался там, на развалинах германской столицы, как ребёнок. Возвратился в Терентьевское, работал в колхозе, а потом - в совхозе. Занимался животноводством. Хорошо работал, по-сталинградски. Пережил трагедию. В 1980 году у него сгорел дом. Он всё потерял. Помощь воину-сталинградцу была оказана минимальная, о чём он мне и написал в 1983 году.

О Петре Андреевиче Полторыкине лучше всего говорит «Анкета ветерана», заполненная им в 1983 году. В ней он, в частности, пишет: «Принимал участие в боях на Волховском фронте, потом на Донском и Сталинградском. Брал города Кременчуг, Кировоград, Первомайск (все на Украине), форсировал Вислу, воевал на Сандомирском плацдарме, освобождал Силезию, польский город Ченстхов, а также Дембицы, опять форсировал Одер, воевал за город Бриг, вышел на Эльбу, но с американцами не встречался. Повернули на Дрезден, где и встретили Победу». Пётр Андреевич был награждён медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

До войны Пётр Андреевич строил полотно будущей железной дороги Артышта Вторая - Барнаул. Отсюда был призван в действующую армию. После победы приехал в село Терентьевское, где и работал плотником. Работал на отлично, за что и был удостоен знака «Отличник строительства». Был он и «Ударником коммунистического труда». Получил 10 благодарностей с занесением в трудовую книжку. В целом, в организации «Строительное управление - 19» проработал 30 лет.

НА КУРСКОЙ ОГНЕННОЙ ДУГЕ

**Борис Степанович
Казанцев**

Когда в один из жарких июльских дней 1929 года семнадцатилетний **Борис Казанцев** въехал на территорию коммуны «Париж» на тракторе «Фордзон», земляки были потрясены. Женщины крестились и вскрикивали, мужики угрюмо и подозрительно глядели на чудо-технику. Борис остановился у конторы.

- А, к примеру, чем ты её кормишь, эту лошадку? – спросил один из коммунаров.

- Горючим, - ответил Борис.

- Это вроде как сено либо овёс? - вёл свою линию любознательный.

- Нет, дядя. Горючее - это жидкость, как керосин, - разъяснил юноша.

Вскоре коммуна «Париж» была преобразована в колхоз имени Свердлова (Ленинск-Кузнецкий район). Борис Казанцев долго был единственным трактористом во всей округе. Потом служил в армии, в погранвойсках на Дальнем Востоке. Не успел отдохнуть после действительной, поработать шофёром, как наступил 1941 год.

Служил в первом механизированном корпусе, который в течение войны десятки раз

перебрасывали с фронта на фронт. Пришлось и танк водить, и шоферить по нелегким фронтовым дорогам. В разгар битвы под Москвой сумел сержант Казанцев, не убоившись бомб и снарядов, доставить на передовую десять машин с боеприпасами. Через день получил медаль «За отвагу».

12 июля 1943 года под селом Прохоровка развернулось величайшее танковое сражение. 600 немецких и столько же советских танков сошлись на смертный бой. Танкисты первого механизированного корпуса дрались на Прохоровском поле. Борис Степанович Казанцев - водитель танка Т-34.

- За тот день я сменил четыре танка, - вспоминал ветеран. - У первого перебило гусеницу. Командир приказал быть в танке, а сам с ребятами попытался отремонтировать траки. Погибли все трое. Я вылез из танка, добрался до своих. Командир полка приказал сесть в другой танк (собралась сборная команда с подбитых машин). Рванули в бой. Через полчаса снарядом сорвало башню. Ребята погибли. Я чудом уцелел. Выбрался из танка и опять на командный пункт. Тут же приказ: «Садись в танк - и вперёд!»

Ничего не слышу, но понимаю по губам, что говорит командир. На этом, третьем танке я до вечера довоевал. Когда он загорелся, я выпрыгнул. А три товарища опять погибли. Когда

появился я на командном пункте, командир аж разозлился: - Опять ты, Казанцев?- кричит. - Так точно,- говорю. - Давайте танк. Он крепко выматерился, но велел садиться ещё в один, теперь уж четвёртый танк.

И ему через полчаса гусеницу перебило. Настроение отчаянное. Махнул на всё рукой. Вылез и стал соединять траки. Ребята, которые помогали, погибли. А я как заговорённый. Только оглох совсем. Вспышки снарядов вижу, а звука не слышу.

Рванул я с места прямо на немецкую батарею. Проскочил по плотине и раздавил пару пушек вместе с прислугой. А тут и сам командир полка подоспел: «Молодец, старшина! Оправдал доверие. К красному знамени представляю». Не поверил Борис Степанович, что наградят его таким высоким орденом. Уж раз десять обещали. Однако дней через пять, уже под Белгородом вручили ему орден Красного Знамени. Радовался, как ребёнок.

После Курской дуги участвовал Борис Степанович в великих битвах и в малых боях. Мог десятки раз погибнуть, но даже ранен не был. Судьба хранила. Однажды на польской земле, будучи командиром автомобильного взвода, вёл он колонну грузовиков со снарядами. Немецкий самолёт поджёг его головную машину. Загорелись деревянные ящики, в которых находились артиллерийские снаряды. Тушили шинелями, фуфайками. И сумели потушить. Иначе бы гибель неизбежная.

Участвовал Борис Степанович и в штурме Берлина. Получил медаль «За боевые заслуги».

После войны он избрал местом работы Чумышский леспромхоз, что на станции Каменный Ключ. Работал шофером, потом медиком. Был избран депутатом Прокопьевского районного Совета и добился создания местного пруда, в котором вот уже в течение пяти лет купаются взрослые, а также дети не только самого Каменного Ключа, но и окрестных деревень.

Он был активным общественником, бывал в школе, рассказывая ребятам о событиях Великой Отечественной. Борис Степанович пользовался авторитетом у земляков, и, когда он умер, почти весь Каменный Ключ хоронил его, отважного воина, труженика и настоящего человека.

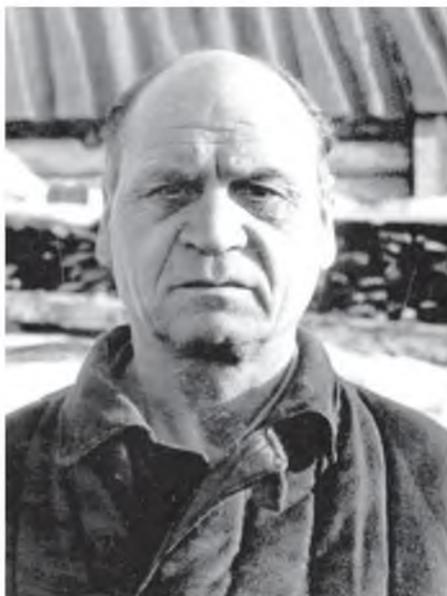
**Встреча учащихся школы
с ветераном войны Борисом Степановичем Казанцевым, 1975 г.**

ОСВОБОДИТЕЛИ ЕВРОПЫ

В сентябре 1944 года советские войска вступили на территорию Венгрии. 4 апреля 1945 года фашистские оккупанты были окончательно изгнаны из этой страны. В ходе освобождения Венгрии погибло 140 тысяч советских воинов. Среди освободителей были и наши земляки.

Афанасьев Н.Т.

Александров В.Ф.

Князева О.А.

Колхозник из деревни Оселки **Николай Тимофеевич Афанасьев** в составе войск 3-го Украинского фронта принимал участие в боях за освобождение венгерской столицы - города Будапешта. Со своей ротой отбил он не одну контратаку немцев у озера Балатон, уничтожил до десятка гитлеровцев. За стойкость и мужество был награждён орденом Славы третьей степени, а несколько позднее, показав личную храбрость при штурме Будапешта, удостоен медали «За отвагу». После войны вручили оселковцу медаль «За взятие Будапешта».

В знаменитом Сталинградском 4-м механизированном корпусе воевал **Василий Фомич Александров**. Он на всю жизнь запомнил бои под городом Сечень и в Нogradской провинции Венгрии, на границе со Словакией. Десятки самоходных орудий «Фердинанд» двигались на позиции 13-й механизированной бригады. Сержант Александров под огнём противника десятки раз в сутки доставлял боеприпасы в артиллерийские батареи бригады. «Фердинанды» были уничтожены. Василий Фомич получил медаль «За отвагу».

Ольга Анатольевна Князева находилась на фронте с 1942 года. До войны работала шофёром. Гражданская специальность пригодилась. На боевой машине Ольги Князевой была смонтирована наземная станция наведения.

В обязанности шофёра входило не только вождение автомобиля, но и содержание в порядке движка, от которого работала станция наведения.

Каргина Е.А.

Старовойт П.Н.

Паршуков Д.С.

Особенно тяжёлыми были бои под венгерским городом Секешфехерваром. Вокруг автомашины Князевой постоянно рвались снаряды, но ни на минуту лётчики 18-й Воздушной армии не теряли связи со своим наземным пунктом наведения. Ольга была ранена. Войну закончила в Австрии. За стойкость и мужество была награждена медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», многими почётными грамотами командования.

Екатерина Алексеевна Каргина ушла на фронт добровольно в 18 лет. Осенью 1943 года закончила курсы и стала служить радиотелеграфистом в гвардейском артиллерийском полку. Радиотелеграфист всегда в зоне боевых действий артиллерии неприятеля. Так было и на венгерской земле. В час боя и в затишье Катя находилась при рации. Она получила, как и её землячка Ольга Князева, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта». Обе они многие годы жили и работали на станции Каменный Ключ, а потом Ольга Анатольевна Князева переехала в посёлок Артышту, а Екатерина Алексеевна Каргина в посёлок Трудармейский.

В селе Терентьевском знают **Петра Наумовича Старовойта**, в своё время до пенсии работавшего в Левобережной геологоразведочной партии. Тридцать лет он работал бурильщиком и за отличное владение профессией получил звание «Отличник разведки недр». Юность геолога прошла в действующей армии, на фронтах Великой Отечественной. Ему повезло. Попал служить в знаменитый 1-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта И.Н. Руссиянова. Во время службы Пётр узнал, что корпус создан на базе 1-й гвардейской стрелковой дивизии. До 18 сентября 1941 года она именовалась 100-й стрелковой, но за героизм, проявленный в боях под Ельней в августе-сентябре 1941 года, по личному распоряжению Г.К. Жукова она стала 1-й гвардейской. В тот страшный 1941 год 100-я дивизия входила в состав 24-й Сибирской армии, которая по праву стала считаться колыбелью советской гвардии.

В 17 лет призвали Петра Старовойта в армию. Закончил учение в специальном учебном полку младших командиров, после чего и попал в гвардию. Он участвовал в боях за Будапешт. Его полк первым форсировал Дунай. И артиллерия, и авиация противника непрерывно воздействовали на гвардейцев, и всё-таки Пётр Старовойт с товарищами сумели переправиться через Дунай и зацепиться на его берегу. Контратаки немецких танков пришлось отбивать без

поддержки артиллерии. Били по немецким машинам из противотанковых ружей, бросали связки гранат под гусеницы танков. И сумели удержать плацдарм.

13 февраля 1945 года Будапешт был взят. Пётр Старовойт был награждён орденом Красной Звезды. После Будапештского сражения 1-й мехкорпус стремительно продвигался на запад, к Австрии. Двадцатилетний Пётр Старовойт участвовал и в освобождении столицы Австрии - всемирно известного города Вены. Вену взяли сравнительно легко. Город сумели сохранить. Советское командование не применяло артиллерии при взятии Вены. Пётр Наумович получил в награду медали «За взятие Будапешта» и «За освобождение Вены».

После окончания войны ему пришлось служить ещё целых пять лет. Повидал Кавказ, служил в Средней Азии. А всего армии он отдал 8 лет своей жизни.

Дмитрий Степанович Паршуков с 15-летнего возраста начал работать в колхозе, в деревне Малая Талда. В 17 лет он поступил в Новокузнецкий сельскохозяйственный техникум, где получил специальность бухгалтера. Вернулся в Малую Талду, где в колхозе «Трудодень» получил должность бухгалтера. Несмотря на молодость (ему шёл двадцатый год), работал с полной отдачей сил, и в сороковом году Дмитрия премировали костюмом. Для тех лет костюм - вещь редкая и дорогая. 18 апреля 1941 года призвали в Красную Армию. И попал он служить в украинский город Черкассы, что на Днепре. Здесь дислоцировалась 190-ая стрелковая дивизия, которую в первый же день войны направили в Западную Украину. На пятый день в районе города Тернополь развернулись бои. Дмитрию Паршукову удалось уцелеть в мясорубке битвы на территории Украины. Всё лето дивизия с боями отходила на восток. Но ни под Уманью, ни под Первомайском она окружена не была. Опытные командиры выводили её из-под удара противника своевременно. Только в Ростове-на-Дону советские войска Юго-Западного фронта сумели остановиться и сдержать врага.

Позднее Дмитрия Паршукова перевели в 10-ю дивизию войск НКВД (народного комиссариата внутренних дел), в которой он воевал вплоть до 1943 года.

После разгрома немцев под Сталинградом и до конца войны служил Паршуков в 4-м гвардейском Сталинградском танковом корпусе, в его 14-й механизированной бригаде. Прославленным соединением командовал генерал Танасчишин, а после его гибели под Одессой - генерал Жданов. И через сорок лет Дмитрий Степанович не забыл о них, как и о командире бригады полковнике Микотине. «Отважные и отличные были офицеры. Вели танкистов от победы к победе», - говорил о них Дмитрий Степанович. Сам он был старшим сержантом, командиром 82-миллиметрового миномётного расчёта. С этим миномётом и прошёл он вновь всю Украину. Теперь уже с востока на запад. Бил немцев и румын под Одессой и на молдавской земле под Яссами и Кишинёвом. Пала Румыния. Корпус вышел на болгарскую границу. «Остановились, привели себя в порядок. Нам приказали надеть парадные мундиры, ордена и медали; танки, минометы, орудия и прочее оружие мы чистили до блеска. Комбриг выстроил нас и сказал: «Мы входим на территорию дружественной Болгарии. Стрелять не будем, нас ждут братья-славяне. Надеюсь, всё будет в порядке. Будут угощать вином, так не пейте без ума. Помаленьку пейте, а то знаю я вас. Вон один в Румынии добрался до бесплатного, перепил, а теперь на «губе» сидит». «Эти слова полковника развеселили солдат, - писал мне Д.С. Паршуков, обстановка разрядилась».

После торжественной встречи на болгарской земле с тяжёлыми боями шёл корпус по земле Сербии. Сербьы встречали советских воинов с радостью. Освободили Белград. Дмитрию Паршукову казалось, что больше боёв серьёзных не будет. Да и не ему одному. Генералы думали так же. А вышло всё наоборот. На земле Венгрии, которая оставалась верна Гитлеру до конца,

развернулись кровопролитные бои под городом Секешфехервар, под Будапештом и под Сегедом, то есть повсюду.

Под городом Сегед миномёт Паршукова работал непрерывно. Удалось уничтожить несколько огневых точек противника, за что сибиряк был награждён орденом Красной Звезды. Ранее он был награждён ещё и медалью «За отвагу».

Наиболее ярко Дмитрию Степановичу запомнились эпизоды сражений 1941 года. Он пишет: «В 1941-м я участвовал три раза в штыковых атаках. Немцы их не принимали. Это же верная смерть. Они убегали изо всех сил, огрызаясь автоматным огнём. Наших полегло тьма. Потом нам приказали в штыковые атаки не ходить. Но некоторые солдаты обижались. Мечтали штыком достать фашиста. Увидеть, как он умрёт на глазах у тебя. Это были ребята из оккупированных территорий. Они знали о зверствах фашистов в их краях, и все понимали, как жжёт ненависть их сердца за гибель близких людей. В 44-м году я ещё участвовал в рукопашном бою. Защищал огневые позиции миномётной роты. Тогда мы штыками перекололи человек 10 немцев и только двоих потеряли своих. Но это был сорок четвёртый год. Немец пошёл хлипкий: то старьёй, то малый. Это потом мы их, мёртвых, разглядели. Даже жалко стало, а в бою не разберёшь ни возраста, ни пола. Все на одно лицо - фашисты».

Только в 1946 году демобилизовался Дмитрий Степанович. Вернулся в колхоз. Баланс, дебет, кредит - всё казалось далёким, забытым. Смешно было на счетах щёлкать. Тишина доводила до расстройства нервов. Так и старался уши заткнуть при любом громком звуке, как это делал при стрельбе из миномёта. После ликвидации колхозов в 1957 году стал работать бухгалтером в совхозе «Черкасовский», центральная усадьба которого находилась в селе Терентьевском. Через пятнадцать лет перешёл на работу инспектором по кадрам того же совхоза.

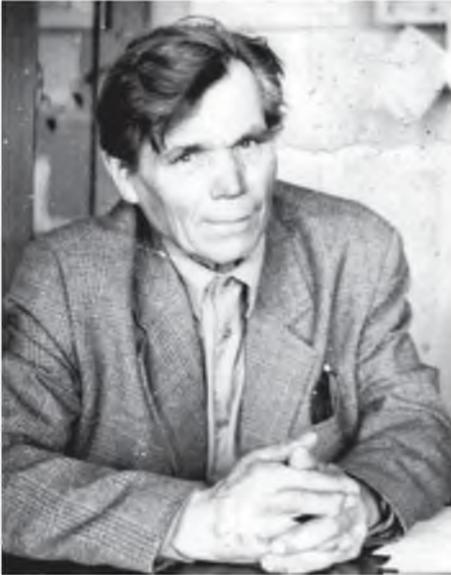
Вырастил двух сыновей и дочь, которые получили образование и обзавелись своими семьями.

Митрофанов Н.Е.

Почти теми же военными дорогами шёл на запад ещё один терентьевец **Николай Евдокимович Митрофанов**, представитель старинного многочисленного клана терентьевских Митрофановых. До войны он работал в колхозе комбайнёром и трактористом. На фронте был рядовым. Ранен не раз и контужен. Добрался до подножий Альп, что в Австрии. Награждён медалью «За отвагу», а также такими, ныне редкими медалями, как «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За освобождение Вены». Вернулся домой и опять работал на тракторе и комбайне вплоть до ухода на пенсию.

В БЕЛОСНЕЖНЫХ ПОЛЯХ ПОД МОСКВОЙ

Он родился в Чувашии. Жить пришлось в Прокопьевском районе. Был учителем истории и директором школы. Особенно хорошо **Дмитрия Сергеевича Павлова** знают в селе Михайловка. Его стараниями было организовано строительство местной средней школы, здание которой вот уже свыше тридцати лет украшает Михайловку.

Перед войной Дмитрий Павлов закончил Орловское танковое училище. После распределения попал в 4-ю танковую бригаду, которой командовал полковник Михаил Иванович Катук. Танки получили в Нижнем Тагиле. И не какие-нибудь, а новенькие «тридцатьчетверки», которых на фронте в 1941 году насчитывалось несколько сот, а ценились они на вес золота.

По личному распоряжению И.В. Сталина танковая бригада М.И. Катук действовала только на решающих направлениях. «Как правило, - вспоминал Дмитрий Сергеевич, - мы действовали из засады. Спрячемся в лесу, замаскируемся и ждём немцев. Поначалу они действовали нагло. Мчат по шоссе с открытыми люками. На гармошках играют. Герои! Мы начинали беглый огонь, сеяли панику, а потом вырывались из засады, действовали гусеницами и огнём. Разгромив колонну, мы исчезали с места боя до того момента, пока немецкая авиация не налетала на место битвы и, не разобравшись, добивала свои же горящие танки».

Зимой 1941-1942 года бригада действовала по линии Можайск-Гжатск-Вязьма. В январе танковая колонна бригады остановилась на Бородинском поле, у памятника М.И. Кутузову. Рядом с памятником стояли, засыпанные снегом подбитые немецкие танки. Их сожгли ещё в октябре 1941 года артиллеристы полковника В.И. Полосухина.

Из-под Вязьмы 4-ю танковую бригаду перебросили на Калининский фронт.

7 июля 1942 года Дмитрий Павлов участвовал в жестоком бою под деревней Михеево Зубцовского района. Из танкового орудия он уничтожил три артиллерийских орудия противника. Но и его танк был подбит и загорелся. Павлов был контужен и потерял сознание. Тяжело ранен был и башенный стрелок Иванов. Водитель танка старшина Драний вытащил своего командира через нижний люк под танк и вовремя. Через мгновение танк взорвался. Погиб стрелок Иванов. Павлов оказался в воронке. Он ничего не видел. Услышал немецкую речь. Подумал о плене. Хотел застрелиться, но пистолета при себе не было. Потерял сознание вновь. Драний тоже погиб. Пытался выбраться из воронки, но сил не хватило. Пришли санитары-мужчины. Хотел крикнуть, но голоса не было. Услышал из разговора: «Ему жить три минуты». Сняли сапоги. «Сволочи», - успел подумать и опять потерял сознание.

Очнулся через двадцать суток в госпитале. Узнал, что спасли его девушки-санитарки, а тех санитаров-мародёров СМЕРШ арестовал и направил в штрафную роту. На этом и закончилась война для Дмитрия Сергеевича Павлова.

ТАНКИСТ ИЗ СЕЛА ИНДУСТРИЯ

Много лет назад в газете «Сельская новь» корреспондент В. Гадышев напечатал информацию о ветеране Великой Отечественной войны Сергее Ивановиче Моисееве. Приводим этот небольшой очерк полностью.

«Когда я, - пишет В. Гадышев, - ещё учился в Индустринской школе, к нам в 7-й класс пришёл небольшого роста человек, с обожжённым лицом. На груди ордена и медали. Это был наш земляк **Сергей Иванович Моисеев**. Он рассказал нам о себе, о своём боевом пути, о послевоенных годах. Время стёрло из моей памяти многие эпизоды этой встречи. И вот я снова встретился с ним уже как корреспондент. Беседуем о тех трудных военных годах. Воевать Сергей Иванович начал в пехоте под Ленинградом. В мае 1943 года был откомандирован на учебу в Соликамское танковое училище на Урале. Через восемь месяцев его выпустили в звании техника-лейтенанта. На Челябинском заводе

получил танк - и на фронт.

Боевое крещение, будучи танкистом, получил под городом Минском. «Было очень трудно,- вспоминает он. - Из двенадцати машин после продолжительных боёв осталось два танка. Атаки были безуспешными. Тогда командир решил высадить десант. Нужно было преодолеть противотанковый ров и подавить огневую точку противника. На танке через ров я успел проскочить в тыл и укрыться за уцелевшим сараем. Второй танк был подбит. Тогда я повёл танк на дот, а наводчику приказал стрелять по доту с ходу. До дота оставалось метров пятьдесят, когда нас заметили, но выстрелить не успели. Мы опередили немцев. Точным выстрелом цель была разбита. Пехота пошла в наступление. Оборона противника была прорвана. За этот бой я был награждён орденом Отечественной войны II степени.»

С.И. Моисеев прошёл боевой путь от Минска до Восточной Пруссии. Война для него закончилась на Висло-Одерской операции. Но до этого было много боевых будней. В марте 1945 года его танк подбили. Машина загорелась. Сергей Иванович получил сильные ожоги. После госпиталя - снова фронт. Попросился в свою часть. За взятие города Гусев получил ещё один орден Отечественной войны II степени, а за Кенигсберг - орден Отечественной войны I степени. После окончания войны служил в Кенигсберге. Демобилизовался в 1946 году. Приглашали жить в Ленинград, в Харьков, но вернулся в Прокопьевск, где работал на шахтах «Центральная» и «Зенковские уклоны». За успехи в труде был награждён орденом «Знак Почёта» и медалью «За трудовую доблесть». После ухода на пенсию в течение многих лет работал в третьем отделении совхоза «Зенковский».

Война даёт о себе знать. Недавно сделали ему операцию на глазах. Но зрение всё равно ухудшается.

ИГАНИНО

В Иганино сапёрам делать нечего,
Война здесь не оставила следов.
Здесь нет берёз, металлом изувеченных,
Свидетельниц решительных боёв.
Снег снегом был, и грозы были грозами,
Взрывной волной не сорван лист с берёз.
Трава подрезана не пулями, а косами,
И танки не утюжили овёс.
Но так ли было всё, скажи, Иганино?
Неужто ты не тронуто войной?
Не взорвано, не сожжено, не ранено?
Защищено всесильною тайгой?..
Нет! Всё не так! Всё проще и трагичнее.
Иганинские триста мужиков -
Работники, охотники отличные -
Оставили деревне триста вдов.
Иганино! Иганино! Иганино!
Безвестное сибирское село.
Четыре года жгло тебя и ранило,
Четыре года ты войну вело.
Четыре года, что ни день, конвертами
Бомбил тебя далёкий страшный фронт.
И так здесь бабам души исковеркало,
Что и сейчас им страшен почтальон.
Солдатской кровью здесь поля не поены.
И кладбище без звёзд. Кресты, кресты...
Лежат под ними старцы. Детям-воинам
На пьедесталах суждено застыть.
Им, бронзовым, стальным, чугунным, мраморным,
В Европе теснота - сибирякам.
Не восторгаются ни чистотой, ни храмами,
В глазах невидящих далёкая тайга.
Мне кажется, могучие фигуры их
Не греет европейское тепло,
Мне верится - не мёртвыми скульптурами
Они живут всем недругам назло.
Они живут и в бездыханье бронзовом,
И станут жить в дали других веков!
Пусть не лежат под милыми берёзами,
Мы помним их, бессмертных земляков!

Владимир Шабалин

НА ЗАРЕ ПОБЕДЫ

Петра Давыдовича Щербину знали многие жители посёлка Трудармейский, где он работал районным прокурором, когда существовал Киселевский район с центром в Трудармейке. До войны он служил в 93-й стрелковой дивизии, дислоцированной в Забайкалье. В начале октября 1941 года её спешно перебросили под Москву. Высадились из эшелонов восточнее Москвы. Двигаясь на запад, наводили порядок в подмосковных городах, где в те дни появились мародёры и дезертиры.

«Как и вся дивизия, - вспоминал Пётр Давыдович, - наш полк был на марше. Командование поставило задачу: занять оборону западнее подмосковной станции Кресты. Впоследствии выяснилось, что одному из гитлеровских соединений было приказано тоже двигаться к станции Кресты. Но в районе этой станции наша дивизия поставила «крест» на немецкой воинской части».

Станция Кресты находилась в восьмидесяти километрах юго-западнее Москвы. Противник вступил во встречный бой с 51-м стрелковым полком, в котором служил П.Д. Щербина. Бой развернулся в районе деревни Богородское. Гитлеровцы сумели быстро развернуться в боевые порядки. Его артиллерия и миномёты расположились на опушке леса западнее Богородского. Шедший в атаку батальон 51-го полка был засыпан снарядами и минами. Тяжело ранило командира батальона майора Чупина. Наступил критический момент. Лишившись управления, роты стали отходить. Фашисты могли на «плечах» отступающих ворваться в Богородское. В этот момент Щербина взял командование на себя. Роты залегли и стали вести огонь по батареям противника.

Пётр Давыдович сообщил командованию о сложившейся обстановке. Дивизионная артиллерия открыла огонь по позициям немецкой артиллерии. Щербина вновь поднял батальон в атаку. Вместе с лейтенантом Маматовым он повёл красноармейцев на позиции врага. Противник покинул огневые позиции. Три уцелевших немецких орудия стали трофеями батальона.

Первое боевое крещение воинское подразделение выдержало. Этот бой запомнился на всю жизнь Петру Давыдовичу.

После боя позвонил командир дивизии генерал К.М. Эрастов. Он сказал: «Благодарю, лейтенант! Поздравляю с боевым крещением. Думаю, что не подведёшь и впредь. Молодец». В конце ноября 1941 года сибиряки держали оборону около деревни Кузовлёво, что расположено западнее села Богородского.

51-й полк под командованием майора Курицына готовился к решительному бою за улучшение своих прошлых позиций. Для усиления пехоты прибыл танковый взвод,

артиллерийский полк поддержки, несколько батарей «катюш». За несколько минут до начала наступления в блиндаже командира батальона собрались комиссар 51-го полка Касьянов, командир приданного артполка, ординарец и связист. Противник вёл беспокоящий артогонь. Один из крупных немецких снарядов попал в блиндаж. Погибли все, кто там находился. Возникла угроза срыва наступления. Только благодаря активным действиям Петра Давыдовича наступление прошло успешно.

6 декабря 1941 года началось контрнаступление под Москвой. 93-я дивизия генерала К.М. Эрастова была введена в бой через 6 дней, 12 декабря. «Рвались мы вперёд, как на крыльях, - вспоминал Пётр Давыдович через сорок лет, - а когда бойцы и командиры увидели следы фашистских злодеяний, ненависть к врагу охватила всех».

Дивизия продвигалась вперёд по местам знаменитым, историческим. Именно здесь в районе древних русских городов Боровска и Вереи армия М.И. Кутузова глубокой осенью 1812 года разгромила Наполеона и заставила французов отступать по разорённой Смоленской дороге. И вот 129 лет спустя части Сибирской дивизии гнали по этим же дорогам нового лютого врага. К новому 1942 году 93-я дивизия встала в обороне на реке Угре недалеко от села Захарово. Именно в этих местах ещё в 1480 году русские воины преградили путь армии монголо-татар, стремившихся уничтожить молодое Московское княжество.

Вместе с другими командирами П.Д. Щербина рассказывал красноармейцам об этих исторических событиях, поднимая воинский дух бойцов. Дивизия за стойкость и мужество летом 1942 года была преобразована в 26-ю гвардейскую, в командование которой в 1943 году вступил наш земляк генерал Григорий Иванович Чернов.

Военная судьба перебросила его в другую дивизию. Капитан П.Д. Щербина участвовал в освобождении Смоленщины, Белоруссии, Прибалтики. Закончил войну в Восточной Пруссии, в поверженном Кенигсберге.

**Торжественное собрание, посвященное Дню Победы,
за трибуной - Щербина Петр Давыдович, 1967 год**

ОН УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

На пожелтевшем листке бумаги размером 3 на 10 сантиметров напечатано: Уроженец... Край, область, город... Каким комиссариатом призван... Год рождения... Фамилия, имя, отчество... Занимаемая должность... Групповая принадлежность крови...

По краям крохотного листка - траурная рамка. Свежо выглядит типографская краска. Но слова ответов на вопросы, написанные почти 60 лет назад химическим карандашом, еле просматриваются. Беру увеличительное стекло и читаю: рядовой **Матвеев Игнатий Матвеевич**, уроженец деревни Оселки Прокопьевского района Новосибирской области, 1910 года рождения. Группа крови не указана. Листок этот из медальона, который не сохранился.

Заканчивался 1941 год. Развивая успех декабрьского контрнаступления под Москвой, войска Калининского фронта с тяжёлыми боями продвигались к городу Ржеву, занимавшему ключевые позиции во всей системе обороны немцев северо-западнее Москвы. Битва за Ржев длилась 15 месяцев. Неисчислимые потери несли дивизии Калининского фронта в этом знаменитом сражении. Безвестный солдат Матвеев из Оселков воевал подо Ржевом. Почему безвестный? Потому что уже зимой 1942 года в сельский Совет пришло сообщение о том, что он пропал без вести. У семьи ещё тлела надежда: раз не убит, то вернётся. Пришла Победа. Наступил 1952 год. И вдруг в мае того, 52-го года в Оселковский сельсовет пришло письмо из Калининской области: «Привет вам из совхоза «Возрождение». К вам обращается незнакомая девушка Дуся. Я не знаю вас, но рассказать хочу вот о чём. 29 апреля сего, 1952 года, мы на совхозных полях и в болотах убрали останки погибших воинов. Страшно писать, но что же делать? Погибшие в 1942-м наши бойцы были захоронены наспех, и за десять лет земля была размыта водами. Кости и черепа оголились. Мы осторожно раскапывали эти братские могилы и переносили останки на новое место. На одном из бывших воинов я нашла медальон и раскрыла его. На листочке написано, что Матвеев Игнатий Матвеевич родом из вашей деревни. Это либо ваш отец, муж или брат. И погиб он в бою за деревеньку Чернову Чертолинского сельсовета Ржевского района. Вновь мы похоронили его с товарищами в деревне Усово того же сельсовета и района. Кладбище обнесли оградой и посадили деревья. Дорогие товарищи, помогите найти родственников погибшего, сообщите им о том, что я написала и мой адрес: село Погорелки Лыщевского сельсовета Молодотудского района Калининской области, Крыловой Евдокии Алексеевны. До свидания. Поклонитесь жене и детям покойного. Помните погибшего воина Матвеева Игнатия Матвеевича».

Письмо взволновало работников сельсовета. Побежали к Матвеевым. Письмо Евдокии Крыловой стало для Матвеевых потрясением. Две дочери и вдова солдата написали ответ в Калининскую область. Просили девушку рассказать о подробностях. Во втором письме Дуся сообщала: «Дорогие, любимые сестрички Машенька и Валечка, сироточки мои! Я вашего папу похоронила вместе с его боевыми товарищами в одном гробу, в котором всего было останков 400 воинов. А всего мы на братском кладбище в деревне Усово похоронили 30 таких гробов, и значит 12 тысяч воинов родненьких. Дорогие мои, Машенька и Валенька, я пишу и плачу. У меня у самой отец погиб и не знаю где. И остались мы сиротами: мама, я (с 1928 года рождения), братишка Егор (с 1932 года), сестрёнка Лида (с 1934 года). Хватили мы лиха горького, а теперь живём в совхозе «Возрождение», а из колхоза ушли, потому что там ничего не получали, а в совхозе работаем за деньги».

В бесхитростном письме Дуси Крыловой были и такие неожиданные строки: «Если захотите приехать к нам, на могилу вашего папы, и соберёте деньги на дорогу, то приезжайте, а отсюда я вам куплю билеты». Это обстоятельство потрясает. Дуся сама бедствует. Её зарплата равнялась 270 сталинским рублям. Но, я уверен, что она копила деньги на обещанные билеты, урезая себя во всём.

Но не сумели оселковские Матвеевы съездить на далёкую могилу. У них в то время денег не было совсем.

Переписка не прерывалась. Дуся сообщала, что жизнь на Калининщине улучшается. Вот что писала она Маше Матвеевой: «Дорогая сестричка, сиротиночка! А у нас радость. Из Погорелок мы переехали в Усово. Нам дали здесь квартиру. Дом наш недалеко от братского кладбища, где лежит твой отец. Каждый день смотрю в окно, приношу цветы на могилу». Письма Маши были тоже простыми и откровенными. Она сообщала далёкой подруге и ровеснице, что на трудодень получают мало, но жить стало легче. В ответ она получила от Дуси такое письмо: «Зарботок у меня теперь 350 рублей. А рожь у нас 35 рублей за пуд, картошка - 8 рублей ведро, масло сливочное 35 рублей, а постное - 24». В том же году она приглашала Машу приехать в их совхоз: «Сестричка моя! У нас всё лучше и лучше. Директор совхоза очень хороший человек, управляющий отделением - прекрасная женщина. Приезжай, я устрою тебя на работу. Людей у нас не хватает». Переписка продолжалась.

Довоенное фото.

Матвеев Игнатий Матвеевич стоит справа.

ОРДЕНОНОСЕЦ

Всю свою жизнь **Тимофей Савельевич Крысов** прожил в тайге. Работал пасечником. С детских лет охотничал. Салаирскую чернь знал, как свои пять пальцев. Ещё пятнадцатилетним подростком стал партизаном известного в Кузнецком уезде красного командира Сизикова. Тимофей выполнял роль разведчика и связного. Партизаны Сизикова базировались южнее деревни Оселки на том самом месте, где после гражданской войны Крысов построил себе дом и завёл пасеку. Одним из первых он вступил в колхоз и отдал ему свою пасеку. О начале Отечественной войны узнал только 23 июня. А уже через два дня 36-летний солдат мчался на запад.

Ему посчастливилось попасть в гвардейскую воинскую часть. Слава о 31-й гвардейской стрелковой дивизии гремела не только в 11 гвардейской армии, но и по всему фронту. Тимофей Савельевич был разведчиком. Воевать

пришлось под Москвой, на Смоленщине, в Белоруссии и Восточной Пруссии.

Любил ходить в разведку в одиночку. Невысокого роста, широкоплечий Тимофей Крысов бесшумно подбирался к немецкому часовому, офицеру или разведчику, одним движением обезвреживал его, затаскивал в укромное место, приводил в чувство и вёл в свою часть. После первых двух «языков» Тимофей Савельевич осенью 1941 года был награждён медалью «За отвагу». Летом 1942 года после длительного поиска Крысов сумел взять в плен старшего немецкого офицера в чине полковника с целым портфелем документов. В дивизии так и ахнули. Тимофей Савельевич получил за этот подвиг орден Ленина. Два его товарища, участвовавших в поиске, награждены орденами Красного Знамени.

На белорусской земле Тимофей Крысов доставил в полк ещё троих «языков». Из них один был офицером. Орден Славы III степени появился на его гимнастёрке. Старшина Крысов был отличным стрелком. Сумел уничтожить немецкого снайпера, за которым охотился целую неделю. Получил орден Красной Звезды. Но по-прежнему поиск «языков» был главной работой разведчика. Тяжело найти и взять в плен фашиста в Восточной Пруссии. И всё-таки Тимофей Савельевич и здесь, на немецкой земле, продолжал приводить в полк пленных. И награды не заставляли себя ждать. Он был награждён орденом Славы II степени. Потом он шутил: «Не хватило пары «языков», а то бы стал полным кавалером орденов Славы».

За всю войну он ни разу не был ранен или контужен. А вот братьям, родным и двоюродным, такого воинского счастья не привалило. Артемий Савельевич и Демьян Савельевич погибли, Иван Савельевич, тяжело раненый, умер сразу после войны. Четвёртый брат Семён Савельевич потерял ногу. Погибло на войне шесть двоюродных братьев, тоже Крысовых.

Ему было далеко за семьдесят, когда покинул свою пасеку, которую все так и называли «пасекой Крысова». Тимофей Савельевич умер в 1980 году, похоронен в деревне Еловка.

В БОЯХ ЗА ТИХВИН

- Войска построены. Смирно!

Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов приближается к шеренгам солдат, здоровается. Его голос слышен всем:

- Поздравляю вас с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!

Могучее красноармейское «ура» потрясает небо. Стаи голубей взмывают над домами. Осыпается снег с деревьев окрестных парков и садов.

Сержант Колесников, стоящий в одной из шеренг, за последние несколько дней перестал удивляться стремительной смене событий. Конец октября 41-го года. Военские подразделения эшелон за эшелон убывают из Забайкалья на запад. Щемящая тоска по дому, родным и близким, когда поезд пересекал северный Кузбасс. Совсем недалеко, в 300 километрах, деревня Катино, в которой он родился и рос, село Оселки, где начинал работать учителем в 18 лет, едва закончив педагогический техникум.

«Вперёд, вперёд, вперёд», - стучат колёса. Позади бескрайние степи Западной Сибири, Уральские горы. И вдруг неожиданная остановка в Куйбышеве (ныне город Самара) на Волге.

Ворошилов поднимается на трибуну и произносит речь. В его словах тревога. Враг под Москвой. Ленинград в фашистском кольце.

Много лет спустя в беседах с учащимися преподаватель биологии и военного дела **Виктор Васильевич Колесников** рассказывал: «Парад седьмого ноября 1941 года в Куйбышеве для меня стал таким же важным событием, как и парад на Красной площади в Москве. Но и день 8 ноября для нашей дивизии стал памятным. К нам прибыли К.Е. Ворошилов и всесоюзный «староста» Михаил Иванович Калинин. От имени бойцов командир дивизии полковник П.К. Кошевой поклялся в том, что сибиряки 65-й дивизии будут драться стойко, до конца останутся верными присяге и Родине.

Ноябрь 41-го года. Враг у стен Москвы. Фашистские войска начинают наступление юго-восточнее Ленинграда. Их цель - прорваться через город Тихвин к реке Свирь и, соединившись с финнами, замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда, чтобы уморить с голоду ленинградцев и потом уничтожить город революционных бурь.

65-я стрелковая дивизия из Резерва Ставки Верховного Главнокомандования была из Куйбышева переброшена на ленинградское направление, в район города Тихвина. Он был захвачен противником. На 19 ноября было назначено наступление. Комдив П.К. Кошевой (впоследствии Маршал Советского Союза) вспоминал: «Помню ночь перед наступлением... Я думал - всё ли подготовлено к атаке, всё ли сделано, предусмотрено, учтено? Эту ночь я не забуду никогда. Потом мне много приходилось готовить и начинать

наступательные операции, но первое наступление - 19 ноября 1941 года - запомнилось особенно отчётливо».

Сержант Колесников, его однополчане и земляки миномётчик Наум Титович Титов, бывший учитель из деревни Сергеевка (ныне Старосергеевка), уроженец села Михайловка Николай Николаевич Антонов, работавший до войны в Оселковской школе, бывший директор Михайловской школы Иван Осипович Ситряйкин, его земляк Вязов - все думали в ту ночь под Тихвином о разном, но главным было одно - предстоящий бой.

В те дни стояли тридцатиградусные морозы. На рассвете 19 ноября пошёл густой снег. Стояла тишина: ни выстрела с обеих сторон. И вдруг загудела земля. Дивизионная артиллерия открыла огонь по переднему краю обороны противника.

Отделение, которым командовал В.В. Колесников, прорывается к пригороду Тихвина - населённому пункту Мастерская. Вот и первый дом. Гранату за угол и вперёд! Из-за ближнего кирпичного строения бьёт пулемёт. Колесников приказывает Титову уничтожить огневую точку врага. Через несколько минут удачным броском гранаты Титов ликвидирует пулемётный расчёт. Отделение продвигается вглубь обороны противника.

За первые дни боёв на южных подступах к городу Тихвину 60-й стрелковый полк потерял несколько сот убитыми и ранеными. Погиб командир взвода. Колесников взял командование на себя.

Гитлеровская группировка генерала Шмидта, выполняя приказ Гитлера, отставала Тихвин до последней возможности и отходить не собиралась. Особенно тяжёлыми для взвода Колесникова были бои 29 ноября. Почти час немцы вели миномётно-артиллерийский огонь по позициям 60-го стрелкового полка. Ветеран дивизии Т.П. Андрейкович вспоминал через тридцать лет: «После обстрела гитлеровцы густыми цепями бросились на наши позиции. Взметая сугробы снега, шли танки. Взвод Колесникова не дрогнул. Чёткими винтовочными залпами встречали сибиряки приближающуюся лавину гитлеровцев». Ещё в Забайкалье Виктор овладел секретами меткой стрельбы. Не один фашист нашёл смерть от руки нашего земляка. Но, несмотря на огромные потери, немцы приближались к позициям взвода. «Приготовить гранаты!» - приказал сержант. В это время дивизионная артиллерия ударила по наступающему врагу. Несколько немецких танков было подбито. 60-й полк поднялся в контратаку...

И ещё десять дней сибиряки дрались за Тихвин. Только в два часа ночи 9 декабря полк первым ворвался в центр города. Впоследствии, рассказывая ученикам Каменно-Ключевской школы об этих боях, Виктор Васильевич говорил: «Тихвин горел. Фашисты, отступая, уничтожили всё, что могли. Разграбили музей знаменитого русского композитора Римского-Корсакова. Мы поклялись у братской могилы товарищей, похороненных в центре Тихвина, отомстить врагу за их гибель».

Под Тихвином погибли боевые друзья и земляки Колесникова: Н.Т. Титов, Н.Н. Антонов, Вязов. Несколько позднее в боях за Ленинград пал смертью храбрых И.О. Ситряйкин., В.В. Колесников был награждён орденом Красной Звезды.

УЛИЦА ИМЕНИ ГЕРОЯ

В деревне Смышляево есть улица имени Мухачева. Она названа в память о бывшем учителе местной школы **Иване Федотовиче Мухачеве**. В деревню Тереш, а потом в Смышляево на работу он прибыл после окончания Новокузнецкого педагогического училища.

22 июня он встретил на западной границе. В течение нескольких месяцев подразделение, в котором служил Иван Федотович, с тяжёлыми боями отходило на восток. Осенью 41-го года он получил тяжёлое ранение. Ему повезло. После нескольких недель пребывания в госпитале Мухачёву, ещё недолечившемуся, разрешили побывать на родине. Он приехал в Смышляево в декабре 41-го года. Встретил его друг и коллега В. Каракулов. Вот что через много лет вспоминал он: «Я не видел Ивана Федотовича всего восемь месяцев! Но как здорово он изменился за это короткое время! Когда-то пышная кудрявая шевелюра поредела, окрасилась в серебристый цвет. Солдатская форма придавала ему

стройность, подтянутость. Он, несмотря на боль (рана давала о себе знать), по-прежнему оставался весёлым и энергичным».

А ведь Ивану Мухачеву ещё не было и 25 лет. Жёсткие месяцы войны посеребрили его голову. В те декабрьские дни 1941 года Иван Федотович встречался с бывшими своим учениками. Те из них, кто достиг 17 лет, рвались на фронт. В действующую армию возвращался Иван Федотович не один. Вот что писал В. Каракулов об этом: «Семнадцать добровольцев, бывших учеников Мухачева, вместе с ним отправились на фронт. Война разбросала их по разным дорогам. Под Сталинградом, Курском, в Польше и Венгрии бесстрашно дрались воспитанники Ивана Федотовича. Бились не на жизнь, а на смерть. Одна за другой приходили похоронки в Смышляево. Смертью храбрых погибли Алексей и Семён Наприенко, Кирилл Пинаев, Иван Кошкин. Василий Игнатьев... И так все семнадцать.

Их учитель воевал на Прибалтийском направлении. Кавалер орденов и медалей, старший лейтенант Иван Мухачев командовал батареей. В середине сентября 1944 года у хутора Верниеки, что недалеко от Риги, сибиряк был тяжело ранен. Скончался уже в госпитале от потери крови.

Уже после войны из Мадонского района Латвии за подписью работника тамошнего райвоенкомата Новикова вдове Ивана Федотовича Елизавете Ананьевне пришло письмо, в котором говорилось: «Ваш муж, старший лейтенант Иван Федотович Мухачев, значится в списках захороненных советских воинов на братском кладбище «Миерини» Мадонского района Латвийской ССР. Для увековечения памяти погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на воинском кладбище установлены надгробные плиты с фамилиями павших. На плите под номером два высечена фамилия Вашего мужа Мухачева Ивана Федотовича».

ЧЕРЕЗ ВСЕ ИСПЫТАНИЯ

Равва-Русский укрепленный район утром 22 июня 1941 года подвергся ожесточенным воздушным атакам гитлеровской авиации. Затем в бой вступили фашистские танки и пехота. Для 20-летнего красноармейца Семёна Толмачева и его однополчан, оборонявших укрепрайон, наступило время тяжёлых испытаний.

В течение первого дня войны противник вводил в бой свежие силы. 41-я стрелковая дивизия генерала Г.Н. Микушева, в которой служил **Семен Федорович Толмачев**, остановила вражеские войска. Маршал Г.К. Жуков позднее вспоминал: «Командование 17-й немецкой армии развернуло на Равва-Русском участке пять пехотных дивизий. Несмотря на мощный артиллерийский огонь, авиационные удары и настойчивые атаки, вражеским войскам не удалось

захватить Равва-Русский район и сломить сопротивление 41-й стрелковой дивизии. Войска противника в этот день понесли большие потери, не достигнув успеха». Рядовой Толмачев в своих воспоминаниях как бы дополняет картину, нарисованную маршалом: «Снаряды рвались вперемешку с бомбами. Сплошной гул. Осколки. В первые минуты нам казалось, что с винтовками здесь и делать нечего. Но когда немцы пошли в атаку под прикрытием танков, и мы встретили их винтовочными залпами, я увидел, как немцы повернули назад. Наша дивизионная артиллерия открыла беглый огонь. Несколько танков загорелось, остальные, огрызаясь выстрелами, пятились назад, к своим позициям. Перед нашими окопами лежали десятка два трупов противника. Я тоже стрелял и надеялся, что хоть одна моя пуля достигла цели».

Закончился первый день войны. Наступила тёплая украинская ночь. Семён Толмачев едва не падал с ног от усталости. И всё-таки уснуть не мог. Высоко в небе гудели немецкие самолёты. Они шли на восток, в сторону Киева.

Утром 23 июня фашисты усилили натиск. «Авиационная подготовка врага была ожесточенной. Некоторые бомбы попадали в окопы. Гибли товарищи, - вспоминал Толмачев. - В этот день отбили не меньше двадцати атак, но немцы не продвинулись вперёд ни на шаг». «В этот день гитлеровцы возобновили атаки, особенно сильные на Равва-Русском направлении. Кое-где вражеским частям удалось вклиниться в оборону 41-й дивизии, но благодаря твёрдому руководству генерала Г.Н. Микушева противник контратакой был вновь отброшен в исходное положение» (из воспоминаний Г.К. Жукова). В контратаке участвовал и С.Ф. Толмачев. Она была успешной. Семён увидел своими глазами, как солдаты «непобедимой» фашистской армии убегали во всю прыть на запад.

Шесть суток Равва-Русский укрепрайон успешно отбивался от врага. Несколько тысяч солдат и офицеров противника нашли здесь свою смерть. Лишь на исходе 27 июня 41-й дивизии было приказано отойти на новый рубеж обороны восточнее Равва-Русского укрепрайона.

Невысокого роста, худенький солдат Семён Толмачев со своим взводом часто прикрывал отход батальона. В конце августа во взводе осталось несколько человек.

Шли тяжёлые бои на подступах к Киеву. Толмачев был ранен и без сознания попал в плен. Ещё гноилась рана, а сибиряк бежал из лагеря, но был пойман. И ещё несколько раз с товарищами пытался бежать, но бесполезно. Концлагерь находился в степи, и рвавшиеся к своим бойцы не успевали удалиться на два-три километра, как их настигали фашисты. Избивали, травили собаками, морили в карцерах, но подорвать дух красноармейцев не могли. В марте 1944 года Красная Армия освободила концлагерь. После тщательной проверки Семён Федорович Толмачев вновь получил в руки оружие. Первые дни после освобождения 23-летний человек был похож на семидесятилетнего старика.

Освобождая Молдавию, Румынию и Венгрию, Семён Толмачев уничтожил немало фашистов. Теперь у него с ними были личные счёты. И часто вспоминал бои под Раввой-Русской. Он понимал, что в те июньские дни 41-го года закладывалась будущая победа. Бои в Румынии, Венгрии и Австрии ему казались лёгкими. Удивляла масса разнообразного оружия в нашей армии. Во время штурма Будапешта Семён Фёдорович несколько раз отличился. И хотя солдат, побывавших в плену, наградами не баловали, он получил медаль «За отвагу». Он понял, что реабилитирован. Дошёл скромный солдат и до Вены. Уже после войны ему вручили медали «За взятие Будапешта» и «За освобождение Вены».

По возвращении домой, в деревню Каменушку Оселковского сельского Совета он, как и до войны, стал работать учителем местной начальной школы вплоть до ухода на пенсию.

ПЛЕННЫЕ

Медальный звон. Костыльный трудный стук.
Сороковые годы. Высь и горе наше.
Сердец измученных тревожный перестук.
Почти нет хлеба и картошки даже.

Медальный звон. Костыльный трудный стук.
Забудут ли тогдашние мальчишки?
Голодных матерей, отцов без ног, без рук,
Над немцами воздвигнутые вышки?

Над немцами, над теми, что в плену
В залатанных (не помню цвет) мундирах,
Забыв про фюрера и матеря войну,
Старательно нам строили квартиры.

В Сибири и сейчас немало есть домов,
Фундаменты которых, стены, крыши,
Кирпичик каждый, своды потолков
Тех немцев речь ещё, наверно, слышат.

Сибирь и... готика? Сопоставленья нет!
И всё-таки готические зданья
Грустят в Кузбассе много-много лет,
Как памятник войне и созиданью.

Печальный памятник. Далёк был фатерланд.
До Одера пять тысяч километров.
Бараки. Строгий комендант.
Берёзы белые да буйство шорских кедров.

Владимир Шабалин

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ ЛЕЙТЕНАНТА КАБИНА

Из деревни Сергеевка ушёл в действующую армию **Николай Николаевич Кабин**.

И вот январь 1945 года. Войска Первого Украинского фронта стремительно наступают, громя гитлеровскую армию на территории южной Польши. Под городом Дембица, что расположен на реке Вислоке, на одном из участков наступления 78-й гвардейской стрелковой дивизии сложилась тяжёлая обстановка. Противник ожесточенно сопротивлялся. Подразделения 225-го гвардейского полка залегли. Чтобы не отставать от других соединений фронта, 78-я гвардейская должна была взять Дембицу и форсировать Вислоку, во что бы то ни стало.

В этот ответственный момент командир одной из рот 225-го полка лейтенант Николай Николаевич Кабин поднял своих людей в атаку. Солдаты, имевшие опыт боёв в Сталинграде и на Курской дуге, в степях Украины и в восточной Польше, умели драться в ближнем бою. Да и командир роты Кабин не был новичком на войне. Ещё в грозные июльские дни 42-го года получил он боевое крещение под городом Воронежем в составе 303-й Кузбасской стрелковой дивизии. Был тяжело ранен, и военная судьба привела его в ряды воинов-сталинградцев 78-й гвардейской дивизии.

Перебежками, укрываясь за разрушенными домами, за отдельными сохранившимися деревьями, в воронках от бомб и снарядов, продвигалась рота Кабина к железнодорожному вокзалу Дембицы. Вот раздался взрыв гранаты, и сразу справа замолк пулемёт противника. Потом целая серия таких же взрывов в центре и на левом фланге наступающей роты. Бойцы ворвались в гитлеровские траншеи и, действуя штыками, пробивали себе путь к железнодорожному полотну. Вскоре рота закрепилась на западной стороне вокзала, куда спешили основные силы 225-го стрелкового полка. Командир полка майор Смирных горячо благодарил Николая Кабина за проведённую атаку. За взятие вокзала он был награждён орденом Красной Звезды.

Вспоминал он бои 42-го года. Тогда под Воронежем о наградах и речи не было. Если кто получал медаль, чуть не весь полк сбегался посмотреть на героя. Тогда в июле-августе 42-

Советские и польские солдаты в минуты затишья.
Район Варшавы. 1944 г.

го года 303-й дивизии приходилось не только отбивать яростные атаки, но и наводить порядок в тех частях нашей армии, которые в беспорядке отходили на восток.

Здесь, в центре Европы - в Польше, часто вспоминал Николай Кабин своих боевых друзей по 303-й дивизии: политрука его пулемётной роты Фёдора Дроздова, который после гибели пулемётного расчёта сам лёг за пулемёт и погиб. Не забывал Николай и старшину роты Сашу Сорокина, сумевшего перехватить в воздухе и бросить назад, немцам, их же гранату; лейтенанта Горелова, сержанта Потапова...

Варшава предстала освободителям гигантскими руинами

От реки Вислоки и города Дембица до Одера и города Бриг более трёхсот километров. В январе 45-го года 78-я гвардейская дивизия прошла это расстояние с боями за две недели. На берегах Одера у небольшого города Бриг встретили гвардейцы вновь ожесточённое сопротивление противника. 31 января рота Н.Н. Кабина одной из первых врывается в Бриг, форсирует Одер и выбивает фашистов из укрепленного района. В ожесточённых уличных боях рота прокопчанина уничтожила 60 солдат и офицеров противника, 7 пулемётов, 2 пушки, 2 автомашины, 8 повозок, взято в плен 36 человек.

В первые дни февраля у немецкого села Рогай-Розенау рота Кабина оказалась в окружении. Враг при поддержке нескольких танков и бронетранспортёров пытался уничтожить горстку советских солдат. В сложнейшей обстановке Кабин не растерялся. Спокойно отдавал он чёткие и грамотные в военном отношении команды. Видя стойкость и мужество своего командира, бойцы не дрогнули. Заняв круговую оборону, рота открыла по врагу уничтожающий огонь, не давая возможности пехоте противника сконцентрироваться для атаки.

С наступлением темноты Кабин собрал бойцов, стремительно атаковал фашистов, пробился к основным силам полка.

Участвовала 78-я дивизия в окружении и пленении гарнизона города Бреслау (ныне польский город Вроцлав). За умелое командование ротой и личную храбрость в боях за Бреслау Николай Николаевич Кабин был награждён орденом Отечественной войны I степени.

День Победы Н.Н. Кабин встретил в Чехословакии. Вместе с однополчанами стал свидетелем безграничной благодарности народа этой страны своим освободителям. Конечно, на душе было светло, но болело сердце о братьях Леониде и Александре, которые погибли в разгар войны. Знал он, что не дожили до победы и его ровесники из Сергеевки, как и те его товарищи по шахте «Зиминка», с которыми он начинал трудовую деятельность на этом предприятии.

ЧЕРЕЗ ДВЕ ВОЙНЫ

Серафима Алексеевича Павлова призвали в действующую армию ещё в 1933 году. Отслужил как положено и вернулся в Еловку. Работал в колхозе. Призвали вновь в Красную Армию осенью 1939 года. Попал на войну с Финляндией. «Замерзли мы там, на Карельском перешейке, страшно. Донимали финские снайперы. Мы их называли «кукушками», потому что они прятались на хвойных деревьях. Они любили убивать наших командиров. У меня на глазах застрелили командира роты», - вспоминал Серафим Алексеевич. Не успел он отойти от финской кампании, как 29 июня 41-го года принесли повестку, и пошёл Серафим Павлов дорогами Великой Отечественной. В составе 131 стрелковой Сибирской бригады в декабре 41-го года освобождал город Калинин на Волге (ныне Тверь). Получил первое ранение. После госпиталя попал под Гжатск. После боёв под этим городом часть перебросили под город Ржев,

где она попала в окружение. Голодали. Стали партизанами. Сумели пробиться к своим. И вновь попали в окружение. В районе Нелидово, Соломино, Губино вели изнурительные бои на выживание. При прорыве из окружения Серафим Павлов был ранен во второй раз. Пролежал в госпитале больше месяца. Думал, комиссуют. Но на комиссии сказали: «Годеи в строй». Вновь попал на Калининский фронт, во 2-ю гвардейскую дивизию, которой командовал известный тогда отчаянный генерал Чанчибадзе. Воевали под Ржевом до октября 42-го года. Павлов был ранен в третий раз. Находился в госпитале три месяца в городе Горьком на Волге.

Только весной 43-го года его выписали из госпиталя. Попал в 13-ю армию, которой командовал генерал Пухов. Эта армия находилась на северном фланге Орловско-Курской дуги, на самом остром выступе немцев во время проведения операции «Цитадель». 5 июля развернулось величайшее сражение на Курской дуге. Армия Пухова держалась стойко. Немцы здесь не смогли прорвать оборону советских войск. 12 июля Красная Армия перешла в контрнаступление. Немцы бежали. Серафим Павлов надеялся, что теперь уж не ранят. Шли по курской, потом по брянской земле. Особых боёв не было. Гитлеровцы стремились ударить за Днепр, чтобы там прийти в себя и остановить советские войска.

Серафим Алексеевич так и не мог вспомнить, где его настиг взрыв немецкой мины, где-то на Брянщине. Пришёл в себя в госпитале. Темнота. Когда повязка с глаз была снята, появился мутный свет и только. На больничной койке пролежал до марта 44-го года. Но зрение не вернулось. Стал инвалидом первой группы. В сопровождении санитаря прибыл в Еловку, где и прожил всю жизнь. Работал по дому. Но тоска по солнечному свету, по зелени не покидала его всю жизнь. Часто приходил в отчаяние, проклинал войну. Иногда встречался с товарищами по оружию. Они жалели его.

ВОСПОМИНАНИЯ ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВИЧА ТОРГАЕВА

В колхозе «Переменник» в Кутоново мне пришлось мало работать. 30 сентября 1938 года меня призвали в РККА (Рабоче-крестьянскую Красную Армию). Прокопьевский райвоенкомат тогда находился в клубе шахты имени Ворошилова. Провожал меня весь колхоз, а до призывного пункта друзья детства, кутоновцы Степан Иванович Жигулин, Михаил Александрович Торгаев и Тимофей Васильевич Чечендаев. Привезли меня на моей же автомашине, откинули борта и на платформе автомобиля устроили пляску. Миша Торгаев играл на баяне, а Тимофей Чечендаев - на бандуре. В войну Миша погиб.

**Друзья Василия Андреевича Торгаева -
Жигулин С.И. (слева) и Торгаев М.А.**

И стал я служить на Дальнем Востоке, во 2-й Дальневосточной Краснознамённой армии, в 185-м автобатальоне шофёром на автомобиле ЗИС-5. Часть была расположена в знаменитом Волочаевском городке. Про него ещё в песне поётся. Есть такие слова: «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни». Демобилизовался 17 ноября 1940 года. Вернулся домой. На Великую Отечественную я попал не сразу. После призыва направили не на фронт, а на Горьковский автозавод. И я работал там в качестве слесаря-дефектчика с Володей Щетининым. Мы находили дефекты в автомобилях, сошедших с

конвейера, и занимались их ремонтом. За смену выпускали по 20 машин. Подал я заявление на фронт, и меня уважили. Попал во 2-ю танковую армию. Шёл апрель 1943 года. Армия наша находилась в районе станции Алексеевка и в деревне Иловая. Потом погрузили нас, ехали до станции Ливны. А потом танки Т-34 к фронту двигались своим ходом до Красноармейска, где проходили боевую выучку. За мной закрепили горючезаправочный автомобиль ЗИС-5. Я должен был производить заправку и доставлять для танков солярку, мазут, масло. Видно было, что готовились к большой битве.

5 июля 43-го года эта битва началась. Мой взвод обеспечения входил в состав 119-го танкового батальона 103-й танковой бригады 3-го корпуса. Заправка танков производилась только в ночное время, без освещения. Мы в те дни воевали за Поньри-1. И до 14 июля они переходили из рук в руки. А потом мы разгромили немца до последнего и взяли Поньри-1, Поньри-2 и Поньри-3. Нашей танковой армией командовал генерал Богданов. Мужик что надо, здоровый такой, статный, а росту поболее двух метров. Как гаркнет, аж мурашки по спине бегут. Сам на танке вечно в атаку ходил и ни черта не боялся. Обижался только на танки. Малы они ему были. Даже «Клим Ворошилов» не очень подходил. Солдаты слышали, что сам Сталин приказал для Богданова особый танк отлить. Шутка, наверное. 25 августа Богданов прибыл к нам в бригаду, нас построили, и он сказал громко так, резко: «Ребята, бейте фашистов, а патронов и снарядов не жалейте. Так их бейте, чтоб у них штаны пузырились, а потом бы эти штаны не выдержали и лопнули!» Мы хохотали как бешеные. Здорово он про штаны ввернул.

А 27 августа была артиллерийская подготовка перед тем как взять город Севск. И немцев там было много, а наша 103-я танковая взяла его без особых потерь и стала называться «Севской». А за два месяца боёв потери были большие. Погиб мой командир старший лейтенант Герой Советского Союза Костя Блинов. Он родом был из Москвы. В Курске после войны одну улицу назвали его именем.

Наша 103-я Севская бригада была отправлена на отдых и переформировку в район города Льгова Курской области. Находились мы в большой деревне Ольшанка и в соседнем лесу. Отдыхали аж до декабря 1943 года.

А потом нас погрузили на платформы и повезли на запад, высадили около Киева. В Киеве, в сосновом бору мы выкопали окопы для танков и автомашин, а через три дня убыли своим ходом на город Житомир и остановились в деревне Катина, а потом повернули на Белую Церковь, в деревню Трушки. Отсюда меня направили в Киев за соляжкой. Вернулся с соляжкой в эти Трушки, а танков и бригады нет. Оказывается, её срочно направили против немцев. Тут произошла битва под городком Корсунь-Шевченковском. Немцы толпами шли на прорыв, а наши танки хотели их сдержать. Ребята гусеницами подавили много немцев. Жуткая картина была. Меня вырвало, когда увидел.

Здесь я управлял танки часто. Дороги плохие. Буксовал. Передвижение только ночью, а фары включить нельзя. Со мной всегда ездил старшина Баранов. Он лежал на крыле ЗИСа, освещал дорогу карманным фонариком и мне командовал: вправо, влево. Жалел я его. Дороги все в воронках. Трясёт. Он материт меня, а что я могу? Ничего.

Земли перекопал я, не измерить. Чтобы осколки и пули не искалечили радиатор и колёса, мы копали окоп для машины чуть не каждый день.

В марте-апреле 44-го года мы разгромили немцев под городом Уманью и взяли много трофеев. И мне дали немецкий «Мерседес». Но он скоро сломался, и я по приказу командира взвода отдал «Мерседес» на сахарный завод Лысенского района. А мне дали опять немецкую машину «Оппель». На ней я доставлял на передний край танкистам завтраки, обеды да ужины. Без конца попадал то под бомбёжку, то под обстрел, то в воронки нырял. А танкисты ржали надо мной. Увидят в машине пробоину и кричат: «Ты что, Андреич, в штыковую ходил?» Я тоже смеялся. Вообще, лето 44-го года было весёлым. Причина простая. Мы шли уже по румынской земле. Пахло победой, да и Германия была недалеко. Конечно, мы любили местное вино. И выпивали. Танкисты с собой его возили в больших флягах. От этого они и хохотали часто. Вино веселит, а водка с ног валит.

В Румынии я встретил своего дядю Георгия Ивановича Торгаева. Он был офицером, и после переговоров с моими командирами забрал меня в свою часть. И стал я воевать в 27-й миномётной бригаде. Перебросили нас на польскую землю. И после артподготовки взяли мы польский город Ясло. Бригада стала называться «Ясловской». Потом мы брали много городов: Зарау, Тропау, Марау, и тут война кончилась, и вскоре убыли мы домой, в Советский Союз.

КУРСАНТЫ

В самом начале войны из литовского города Вильнюса было эвакуировано Виленское пехотное училище. Его разместили в городе Сталинске (ныне Новокузнецк) в здании, где в настоящее время находится Институт усовершенствования врачей.

В течение войны училище выпустило не одну тысячу сержантов и младших лейтенантов. Среди них были сотни прокопчан, как селян, так и горожан.

Речь пойдёт о троих из них.

**Владимир Леонтьевич
Добротворский**

Владимир Леонтьевич Добротворский родился и вырос в селе Большая Талда, в 1925 году. В армию призвали в конце 1942 года 17-летним юношей и направили в названное училище. Курс обучения был сокращённым. Учились всего полгода. В июле 1943 года Владимир Добротворский попадает в 276-й гвардейский стрелковый полк 92-й гвардейской дивизии. Это соединение воевало в составе только что созданного Степного фронта, которым командовал будущий маршал Иван Степанович Конев.

Сержант Добротворский участвует в великой Курской битве. Дивизия приступает к освобождению Украины. Владимир надеется дойти до Днепра и увидеть его легендарные воды. Под украинским городом Пятихатки развёртываются ожесточённые бои. 92-я сибирская дивизия несёт большие потери.

Здесь, под Пятихатками, Владимир был тяжело ранен, и мечты его о победе и о водах Днепра канули в лету. Рана была тяжёлой. Пролёжал в госпиталях не одну неделю. Был признан негодным к службе и комиссован.

Но и за короткий срок (воевал чуть больше месяца) он сумел отличиться. За отличное владение миномётом был удостоен нагрудного знака «Отличный миномётчик». После войны получил дорогую для него медаль «За победу над Германией».

Всю жизнь Владимир Леонтьевич проработал в Большеталдинской средней школе. Всегда был активным общественником, занимался краеведением, писал историю родного села Большая Талда. Сумел воспитать троих сыновей и дочь.

Вместе с Владимиром Добротворским в селе Терентьевском до войны учился уроженец деревни Малая Талда **Василий Иванович Сарин**. Его призвали в армию летом 42-го года и направили в Виленско-Сталинское училище. В декабре того же лютого 42-го года два батальона курсантов посадили в эшелоны, которые покатали на запад. Сержант Василий Сарин стал командиром пулемётного расчёта в 3-м батальоне 49-го гвардейского стрелкового полка 16-й гвардейской дивизии.

Через сорок с лишним лет Василий Иванович вспоминал: «С декабря 1942-го года по 14 марта 1943 года (до моего первого ранения) мы не знали, что такое тепло. Отдыхать в сутки приходилось не более 2-3 часов. Спали прямо на снегу, прижавшись спинами к друг другу. Заранее договаривались о том, что кто первым проснётся, пусть будит соседа, толкая его и других изо всех сил. Отогревались и снова падали в снег спать. Знали - через час бой. Одежда наша состояла из шапки-ушанки, валенок, фуфайки и шинели. Рукавицы суконные с одним пальцем для стрельбы. Очень холодные рукавицы. Немцы в ту зиму отступали и на Смоленском направлении. Уходя, сжигали всё. В горящие дома немцы набрасывали патронов. Они рвались, а нам казалось, что это немцы стреляют по нам.

Однажды, при наступлении в ночное время, нашему взводу преградил путь пулемёт противника. Я развернул свой пулемёт и дал ответную очередь, но не угадал. Было очень темно. Фашист засёк меня. Его пули ложились рядом. Но и ему было темно. Пока он бил мимо меня, я его тоже засёк и несколькими длинными очередями заставил замолчать. Или он был убит, или сменил позицию. Мы двинулись дальше.

В марте мы воевали в Угринском районе. Несколько раз форсировали речку Угру. Только перешли через неё, как на нас обрушился губительный огонь. Мы вернулись на свой берег. Форсировали реку вброд в валенках. Вода в них хлюпала, ведь шёл март. Сушиться было негде. Костры запрещены. Всё высыхало на нас. 14 марта в бою за районный центр Входы осколком мины меня тяжело ранило, а расчет моего товарища Быкова погиб полностью от этой же мины. Быков был призван Прокопьевским райвоенкоматом и учился вместе со мной в училище».

Воспоминания Василия Ивановича обширны. Особенно интересны те их страницы, где говорится о мечтах 17-летнего курсанта: «В кино «Чапаев» увидел я пулемётную тачанку, запряжённую белыми лошадьми, и когда в училище меня спросили, кем я хочу быть, не задумываясь, ответил: «Пулемётчиком!»

Пока учился и ехал на фронт, всё думал: дадут тачанку, и буду я с неё крошить фашистов, как в кино показано. Но никакой тачанки мне не дали, а в течение четырёх месяцев таскали мы на себе пулемёт весом в 74 килограмма, невзирая на усталость, грязь и снег. Да и от пехоты ещё не отставали.

После этого ранения три месяца Василий Сарин пролежал в московских госпиталях. После излечения на фронт не попал. Приказали служить в воинской части в НКВД (Народный комиссариат внутренних дел). Поскольку парень был высокого роста, имел хорошую строевую подготовку, стал он участником московских парадов. Участвовал в шести парадах ещё в войну. Но запомнился на всю жизнь Парад Победы 24 июня 1945 года. На всю оставшуюся жизнь.

**Василий Иванович
Сарин**

По возвращении на родину стал Василий Иванович работать в милиции города Прокопьевска, откуда и ушёл на пенсию через тридцать лет в звании майора.

Уроженец деревни Кутоново **Дмитрий Иванович Гриднев**, в отличие от Добротворского и Сарина, закончил годичные курсы Виленско-Сталинского училища. В марте 43-го года он стал курсантом. Ровно год спустя Дмитрий Гриднев получил звание младшего лейтенанта и офицерские погоны.

На фронте командовал взводом разведки. Запомнился Дмитрию Ивановичу один яркий эпизод из его боевой жизни. В один из июльских дней 44-го года приказано было прибыть в штаб дивизии. Прибыл, доложил и увидел, что кроме комдива, генерала Шульги, здесь же находится и командир полка полковник Додогорский, а также начальники разведки дивизии и полка.

В то лето перед фронтом 69-й армии, в которую входила дивизия генерала Шульги, сплошного фронта не было. Оборона противника располагалась за рекой Турья в районе посёлка Доминополь. Перед обороной немцы располагали сильными опорными пунктами и огневой системой.

Генерал поставил задачу: провести глубокую разведку с выходом к Доминополю и форсированием Турьи.

На подготовку отвели одни сутки. Взвод довели до 84 человек, среди которых было шестеро, командированных из армейской разведки. Вооружение усиленного разведвзвода было солидным: два станковых пулемёта, два противотанковых ружья, несколько 45-миллиметровых миномётов. Взводу были приданы 9 сапёров, два радиста, санинструктор и санитар.

Кроме Дмитрия Гриднева никто не знал цели разведки. Начало операции было удачным.

Тихо прошли мимо немецких опорных пунктов и форсировали реку Турья. Только санинструктор погиб, подорвавшись на mine. Взвод замер. Но немцы постреляли и успокоились. Подошли к бывшему селу Волчек. Немцев нет, окопов нет. Гриднев приказал остановиться. На месте села торчало только пять печных труб. Как потом узнали солдаты, немцы сожгли всё село ещё в 41-м году.

Но враг не дремал. Да и трудно спрятаться почти сотне вооружённых людей. На рассвете разведчиков обнаружили. Были окопы немцев всего в 200 метрах от взвода. Начался бой. Гриднев приказывает атаковать противника и выбить его из окопов. Бой в траншеях продолжался минут пятнадцать. Стреляли мало. Шёл рукопашный бой. Разведчики быстро справились с немцами. Был взят в плен командир роты, которого тут же стали допрашивать через разведчика Зайцева, знавшего немецкий язык.

Фашисты пошли в контратаку. Разведчики организовали круговую оборону. Допрос пленного продолжался. Гриднев наносил на карту всё, что докладывал пленный.

**Дмитрий Иванович
Гриднев**

Зайцева, пленного и двух разведчиков он направил в штаб дивизии. Его донесение Зайцев взял с собой. А бой продолжался. Взвод был полностью окружён. Дмитрий Иванович приказал готовиться к прорыву. Он уже не надеялся, что Зайцев добрался до штаба дивизии.

И вдруг несколько снарядов разорвалось на позициях гитлеровцев. Повеселели разведчики. Значит Зайцев дошёл до своих. После боя узнали, что он довёл и пленного, но ценой гибели двух разведчиков, которые отвлекли немцев на себя и умерли в бою как герои. И ещё несколько часов шёл бой взвода Гриднева с фашистами. К ним присоединилась семёрка разведчиков, ушедших в тыл немцев несколько дней назад. Только на третий день, рано утром, пришла помощь. Немцы покинули позиции и стали отходить вглубь своей обороны.

Запомнилось Дмитрию Ивановичу и форсирование реки Западный Буг. Река хотя и не широкая, но полноводная и глубокая. Переправлялся взвод Гриднева на подручных средствах, то есть на случайно найденных лодках, самодельных плотках, даже на сбитых в один монолит дверях... За это форсирование лейтенант Гриднев получил орден Александра Невского, который вручали только офицерам за личную храбрость.

В январе 45-го года началась Висло-Одерская операция. Белорусский фронт, которым командовал маршал Г.К. Жуков, ломая сопротивление врага, стремительно продвигался в сторону Берлина. Дмитрий Гриднев и его разведчики всегда были на острие атаки. Они испытывали огромное счастье от ежедневных побед. Многие мечтали, как ворвутся в Берлин и изловят Гитлера. Однако 14 января 1945 года Дмитрий Гриднев был тяжело ранен и полгода пролежал в госпиталях. Не удалось ни Берлина брать, ни Гитлера ловить. «Обидно было до слёз», - говорил он через сорок лет.

Врачи поставили юношу на ноги. В 45-м ему исполнил ось только 20 лет. По приказу пошёл служить в органы Министерства внутренних дел. В 1949-52 годах работал в Киселёвске в отделе борьбы с бандитизмом. Часто бывал в соседней деревне Кутоново, где родился в 1925 году.

Перевели в Кемерово, где возглавлял уголовный розыск области. Участвовал в разгроме ряда банд. В одной из схваток с бандитами потерял своего верного друга старшего лейтенанта Коломийцева, имя которого давно уже носит одна из центральных улиц Кемерова.

Сумел Дмитрий Иванович вместе с однополчанином и другом Рычковым разоблачить преступника по фамилии Рудой, который являлся председателем Кузбасского совнархоза и членом ЦК КПСС. В то время (60-е годы) разоблачение такого высокопоставленного насильника равнялось подвигу. Во время допросов Рудой, изнасиловавший и убивший девушку, открыто угрожал Гридневу, если он не прекратит следствие. Вмешательство первого секретаря Обкома Ештокина помогло следствию. Но дрогнул Дмитрий Иванович, убоишь он за свою карьеру, преступник мог бы выйти сухим из воды.

За отличную работу в милиции Дмитрий Иванович Гриднев был награждён орденом «Знак Почёта». В отставку ушёл в звании полковника. Многие работники МВД старшего поколения помнят его и с уважением вспоминают о нём.

ПРОХОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВОСПОМИНАНИЯ СЕРЖАНТА АКИМА НИКАНОРОВА

Участвовал в войне с 3 сентября 41-го года по 26 апреля 45-го года. Воевать начал в Брянских лесах. Когда наша часть сюда прибыла, был сильный дождь. Ночевали под деревьями. Утром подошли к какой-то деревне. Командир приказал всем вымыться в бане. В небе появлялись немецкие самолёты. В баню из леса мы перебежками мчались поодиночке. Потом мне приказали сесть в машину. Отвезли меня в городок Киров и назначили санитаром. Мне уж шёл 42-й год. Потому и назначили санитаром. Там я находился до 3-го октября. А в тот день получили приказ отправить всех раненых на поезд. У нас было 16 автомобилей и один автобус. Мы потихоньку двигались на восток. Один раз попали в окружение, но немцы нас не заметили, а врачи нашли на карте старую дорогу, и мы вышли из окружения. Тогда-то немецкие лётчики нас обнаружили и четыре машины разбили, 12 раненых погибло, а 6 было ранено. Добрались мы до города Козельска, где и заняли под госпиталь бывший детский дом. Простояли мы там три дня. Раненых к нам не везли, а немецкие самолёты нас бомбили. Разбили ещё одну автомашину и ранили несколько человек. Тогда мы стали копать глубокие окопы, покрывать их толстыми брёвнами и туда прятали раненых. А вскоре мы уехали в город Тулу, но там не остановились, а остановились в городе Климове на семь дней. Нас поместили в селе Горки Ленинские, где Ленин умер, и там расположились в двухэтажной школе. В госпитале было больше 300 раненых. И поступало каждый день очень много. И мы: врачи, медсестры, санитары иногда без сна работали по четверо суток.

Потом меня и ещё троих человек направили в санчасть в город Подольск, потом в Малоярославец, Мятлево, Медынь. Наш полк отправился на город Юхнов. И у Юхнова мы оборонялись до февраля 1942 года. Полк наш в феврале взял деревню Семёновку. Но налетело штук двадцать немецких самолётов, стали так бомбить, что полк отошёл на два километра. Я на себе тащил раненого лейтенанта. Многие раненые так и погибли под бомбёжкой, к ним мы, санитары, добраться не могли. Полк снова пошёл в атаку. А немцы по нему из пушек и пулемётов стреляли, а потом бомбили. Вечером прибыли две «катюши». Ударили по немцам, и Семёновку мы взяли снова. А меня ранило в ногу, но кость не задело. Лежал я в госпитале месяц, до 24 марта 42-го года. Назначили меня ездовым. Стал возить раненых по госпиталям. Попадал под бомбёжки. Лошадь погибла, а мы спрятались в яме и спаслись.

Часть перебросили на Калининский фронт. Пока ехали на поезде, нас бомбили, и погибло 9 человек, а 32 ранило. Высадились мы в городе Двинске. Тут настала медицинская комиссия, признала меня годным к строевой службе и направила на передовую. Учился на курсах два месяца, а в феврале 43-го года попал я в Ярославскую стрелковую коммунистическую дивизию. Стал я там артиллеристом истребительно-противотанкового дивизиона. А пушка моя была

76-миллиметрового калибра. Командиром дивизиона был Воробьёв, комиссаром Водочкин, командиром батареи старший лейтенант Синичкин, а командиром огневого взвода лейтенант Брачков. Я был заряжающим. Без конца шли бои. Мы стреляли по танкам. Часто промазывали, но и разбивали им гусеницы, а в лоб танк пробить не могли. Ранили наводчика, и я стал наводчиком. Когда из боёв вышли на отдых, мне комиссар Водочкин сказал: «Дивизия у нас коммунистическая, а вы не коммунист. Вы, - говорит он, - солдат хороший, приказы выполняете. Вас можно принять в партию». А я ему говорю, что рекомендации мне никто не даст. Он ответил: «Я дам вам рекомендацию, командир батареи даст и партийный секретарь дивизиона». Я написал заявление, и меня приняли в дивизионе сразу, а потом надо было билет получить в штабе дивизии.

А тут приказ: «В наступление!» Это было в августе 43-го года. В бою погибли наши две пушки. Побежал я за ящиком со снарядами. Тут меня в левую руку и ранило. Старшина перевязал мне рану, и потащил ящик на позицию. Лейтенант Брачков отправил в медчасть, и я пошёл, а он остался. Рану мою обработали, и вижу - подходят раненые командир второй пушки, а его заряжающий сильно контужен, головой трясёт и икает. Говорят, что и мой расчёт погиб, и лейтенант. На батарею рвались пять танков. Три разбились, а два ворвались и восьмерых наших раздавили, а вот их двое спаслось.

Больше месяца лежал я в госпитале, а 21 сентября 43-го года выписался и попал в 156-ю стрелковую дивизию. Стал пулемётчиком станкового пулемёта. Учился на это дело три дня. За меткость меня хотели назначить первым номером, но я отказался, так как никогда пулемётчиком не был. Тогда меня сделали вторым номером. 2 октября 1943 года наша дивизия пошла в наступление. Моего первого номера ранило, и я занял его место, то есть стал первым номером.

Пулеметчики

Заняли мы поляну в лесу, а на ней был дом лесника и колодец из кирпича. Немцы были рядом, в окопах. Только мы устроились за колодцем, слышим немцы кричат: «Рус, сдавайся». А потом к нам ихняя граната прилетела. Я её схватил и бросил назад. Она взорвалась, и немец больше не кричал. А мой второй номер спросил: «Как это ты гранату бросил назад?» А я ему: «А что мне было делать? Хоть так, хоть этак, а смерть. Вот и удалось смерти избежать». А на другой день дивизия из лесов вышла и сразу взяла город Лиозно и её, то есть дивизию, стали называть «Лиозненской».

Потом мы наступали на Витебск. Но немцы стояли крепко. Дошли до Витебска. В бинокль его мы видели. Бои были тяжкие. В нашем батальоне из 5 пулемётов остался только наш. Попала по позициям батальона бомба. Меня ранило 26 ноября 1943 года. Вылечился и попал в 18 гвардейский полк 9 гвардейской дивизии. Теперь я был первым номером ручного пулемёта. А второй номер был мальчик лет семнадцати. Снайпер его убил в тот же день. Он, мой второй номер, и ни разу не выстрелил из пулемёта. Снайпера я того из пулемёта сбил с дерева, и потом разведчики наши сказали, что у него было много наград.

После боёв вывели нас на отдых и на пополнение. В нашей роте осталось 4 человека: старший лейтенант, старший сержант, младший сержант и я, рядовой. Меня представили к ордену Красной Звезды за немецкого снайпера и прочие боевые дела. Я не верил, что мне награду дадут. Много раз представляли, и всё без толку. Отдыхали мы в районе города Великие Луки. Приезжает к нам командир полка полковник Рыжков. Выстроили нас, он и говорит: «Кто из вас крестьяне, пять шагов вперёд!»

Шагнуло из строя человек тридцать, я тоже. Отвели нас в штаб дивизии, и командир сказал: «Ребята, нам, дивизии, дали план посева. Надо посеять 45 гектаров овса, посадить 10 гектаров картофеля. Да ещё 5 гектаров овощей. 6 человек из вас будут пахать, остальные сеять и тому подобное. А руководить вами будет агроном из нашей же дивизии».

И стали мы работать. Мне дали пару лошадей и плуг. Стал я пахарем. К 30 апреля все, что надо, посеяли и посадили. Приезжают за нами из дивизии и везут опять в 9-ю гвардейскую дивизию.

На другой день построили полк. Вышел полковник Рыжков и стал называть фамилии. И мою назвал. И наградили меня орденом Красной Звезды, а ещё вручили гвардейский значок.

На другой день направили наш полк на передовую. Заняли окопы около деревни, за которую немцы дрались крепко. Тут и власовцы были. В плен мы взяли 48 немцев и 4 власовца. Полковник Рыжков стал допрашивать власовцев. Один из них ему говорит: «Я из Сибири».

Меня тогда заело, я сильно заволновался и обратился к полковнику: «Разрешите этого дурака расстрелять!» «А почему?» - спросил полковник. «Я тоже из Сибири, а он нашего брата-сибиряка позорит», - ответил я полковнику. Но полковник мне не разрешил власовца тут же прикончить. Я разозлился и сказал сам себе потихоньку: «Надо их в плен не брать, а стрелять на месте».

На другой день наш батальон стал наступать. Мы, трое разведчиков, шли по лесу в сторону немцев. Немцы нас заметили, и один мой товарищ был убит. Я залёг. Вдруг вижу, немец ко мне бежит и кричит: «Рус, сдавайся!» То ли он с ума сошёл. Я кинул в него гранату, и он упал. Другие немцы палили в мою сторону. Я их угостил гранатой. Они замерли. Оглянулся я вокруг. Убитый товарищ на месте, а третьего нет. Сбежал. Пополз я к своим и метров через десять наткнулся на беглеца. Он был мёртвый. Зря бежал. Я вернулся в батальон, когда настала ночь.

Часа в три ночи немцы начали наступать. Кидали гранаты в нас, а мы - в их сторону, и так бой шёл до утра. Немцы оставили на месте боя шестерых убитых, а у нас погибло три человека и двое было ранено.

Наша дивизия воевала в Прибалтике. 3 декабря 1944 года часов в 6 утра начался бой. Ранило меня сильно. Один крупный осколок порезал мне ногу ниже колена, два осколка помельче прошли выше колена, а кость не задела. Пролежал я в госпиталях до апреля 45 года. Воевать с врагом больше не мог. Ведь ноги-то не было, и вернулся я домой в деревню Каменушку 28 апреля 1945-го года, за десять дней до объявления Победы.

К сему рядовой
Никаноров Аким Никанорович

ГВАРДЕЕЦ

Иван Пантелеймонович Манышев родом из села Калачёво. До войны он работал учителем в местной школе. В армию попал в одну из гвардейских частей 62-й армии, которая обороняла Сталинград, За подвиги воинов армия была преобразована в 8-ю гвардейскую. Командовал армией легендарный генерал, ставший впоследствии Маршалом Советского Союза, Василий Иванович Чуйков. Иван Манышев брал пример с этого генерала, хоть видеть его удавалось редко. 8-я гвардейская армия всегда была на острие атаки: и при освобождении Украины, и на польской земле, и на Берлинском направлении.

Иван Пантелеймонович Манышев отличался смекалкой и храбростью, о чём свидетельствуют его боевые награды. Это ордена Отечественной войны I и II степеней, а также орден Красной Звезды. Он не дошёл до Берлина всего нескольких километров. 22 апреля 1945 года по территории германской столицы была уже наша артиллерия, и дни обороны немцев были сочтены. Манышев знал, что близка победа, и надеялся, что встретит её в Берлине. Но не повезло. Был тяжело ранен 23 апреля и стал инвалидом.

После госпиталей вернулся домой. Работал учителем, завучем, директором Калачёвской школы. Был активистом-общественником.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЗДУШНОГО СТРЕЛКА

Василий Иванович Тищенко родился в селе Калачёво. Учился и жил в соседнем, тоже старинном, селе Лучшево. Отсюда был призван в Прокопьевский аэроклуб, после окончания которого закончил Вторую Ленинградскую военно-авиационную школу. После её окончания в качестве воздушного стрелка прибывает на фронт, под Сталинград, и служит в 950-м штурмовом авиационном полку 5-й авиадивизии, входившей в состав 17-й воздушной армии.

Боевой путь воздушного стрелка прост и прям: Сталинград, Курская дуга, Запорожье, Западная Украина. Сандомирский плацдарм в Польше, участие в штурме Берлина, освобождение Праги. Закончил войну старшина В.И. Тищенко в германском городе Котбусе, где дислоцировался их 95-й гвардейский штурмовой авиаполк, ставший гвардейским за участие в великой Сталинградской битве.

Приводим воспоминания Василия Ивановича о нескольких эпизодах боевой работы штурмовой авиации: «Это было под городом Белгородом в июле 1943 года в разгар

Курской битвы. Наша группа самолётов ИЛ-2 под командованием командира эскадрильи Николая Ивановича Дегтяря на высоте 1500 метров подходила к цели. Только перелетели линию фронта, как встретили мощный зенитный огонь противника. Огонь был настолько плотным, что я не видел самолёта, идущего за нашим самолётом. Мой командир экипажа Борис Александрович Кремнев сказал мне по радиации, что тоже ничего не видит из-за взрывов снарядов.

Маневрируя, подходим к цели, пикируем, бросаем бомбы. Я вижу на земле несколько пожаров. Это горят немецкие танки, бронетранспортёры, авиацистерны. Выпускаем реактивные снаряды. Открываем огонь из авиапушек и пулемётов по живой силе противника. В разгаре боя не замечаем, как к нам подобралась немецкая истребительная «мессершмидты». Я отстреливаюсь. Вижу, появляются краснозвездные истребители. На душе полегчало. Командир говорит: «Все домой!» Из этого полёта вся группа вернулась на свой аэродром без потерь.

В августе 1943 года нашей эскадрилье поставили задачу уничтожить танки в районе города Запорожье на Украине. Группу вёл командир эскадрильи. В ней насчитывалось три звена в количестве 2 самолётов, а всего шесть машин. Люки были загружены противотанковыми

бомбами. Подходим к цели. Нас прикрывают истребители. Бомбим с пикирования. Я вижу несколько костров. Горят немецкие танки. Во время пикирования один из наших самолётов взорвался в воздухе от прямого попадания зенитного снаряда. Причём взорвался от своих же противотанковых бомб, которые не успел бросить. Погиб командир экипажа Багров и его воздушный стрелок Приходько.

Я никогда не забуду 16 января 1945 года. С Сандомирского плацдарма наш Первый Украинский фронт начал наступление в глубь Польши. Моя эскадрилья выполняла разведывательную работу. Я полетел на разведку в качестве стрелка с заместителем командира

эскадрильи Фёдором Ивановичем Пересыпкиным, так как его стрелок заболел. Вслед за нами полетел и мой командир экипажа Кремнев со стрелком по фамилии Кучер. Из шести экипажей эскадрильи вернулось только пять. Мой командир Борис Александрович Кремнев и стрелок Кучер не вернулись из боя. Потом я узнал, что их самолёт шёл на бреющем полёте над колонной немецких танков. Снаряд, выпущенный из танка, попал в крыло и плоскость самолёта ИЛ-2. Машина рухнула вниз и взорвалась. Всё это произошло, по словам товарищей, за две-три секунды. Так погиб мой боевой товарищ и друг Борис Кремнев, с которым мы воевали почти два с половиной года. Сколько бы ни прошло лет с того рокового дня, я не забуду ту трагическую дату. Потом я до конца войны летал с командиром экипажа Аркадием Фроловым.

За войну я выполнил 150 боевых вылетов. Не был ни ранен, ни контужен. Родина высоко оценила мой боевой труд, наградив орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды. Получил я и медали: «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За взятие Праги», «За взятие Берлина» и многие юбилейные.

Я не получил бы высоких тех наград, если бы не мой погибший друг Борис Кремнев, не мои друзья по эскадрилье и полку.

После войны я тяжело заболел. Целый год пролежал в больнице. Вернулся домой, в село Лучшево, только в 1947 году инвалидом II группы. Работал в колхозе весовщиком, фуражиром, заместителем председателя колхоза, был бригадиром и в полеводстве, и в животноводстве. Уже в 48-м году окончил Новокузнецкий строительный техникум и получил среднетехническое образование. Последние четыре года, перед уходом на пенсию работал председателем Лучшевского сельского Совета.

Прошло много лет, а помню своих боевых товарищей - Владимира Резника и Николая Зыбина из города Анжеро-Судженска, Костю Запорощенко с Урала и Ивана Цесаренко из Харькова.

Во время войны погиб муж моей родной сестры Иван Ильич Антонов. Но сестра сумела одна воспитать двоих сыновей и дочь, которые стали тружениками, достойными своего отца.

ПИТОМЕЦ ПРОКОПЬЕВСКОГО АЭРОКЛУБА

Василий Михайлович Сучков родился в селе Терентьевском. Уже после войны он нередко заходил в Прокопьевскую среднюю школу №2, где хранятся реликвии тех лётчиков, которые первоначальное авиационное обучение получили в 30-е годы в Прокопьевском аэроклубе.

Василий Михайлович тоже учился в аэроклубе, когда из села Терентьевского перебрался в Прокопьевск и стал работать на шахте «Ноградская» (в те годы «Коксовой-Второй») машинистом электровоза. Он получил звание пилота запаса.

Призван в действующую армию в июне 1942 года. Попал в 277 бомбардировочный полк, входивший в состав 132-й бомбардировочной авиадивизии. Дивизия и полк отличились в боях за Северный Кавказ. Потом участвовали в разгроме фашистов на Крымском полуострове. За большой вклад лётчиков в дело освобождения Севастополя дивизии было присвоено звание «Севастопольской». Она входила в авиакорпус прорыва. Потому ее и перебросили после освобождения Крыма на белорусское направление. Лётчики наносили мощные удары по скоплениям врага в районе Минска, разрушали немецкие укрепления и всю оборонительную систему противника.

Василий Михайлович был причастен ко всем этим героическим делам. Ведь он - механик, готовил самолёт к выполнению боевого задания, и от него зависела и жизнь пилота, и «здоровье» самолёта.

Конечно, фигура механика не очень заметна. Но без механика авиация мертва. И всё-таки механиков незаслуженно мало награждали. Василий Михайлович за свой труд получил медаль «За отвагу», а также медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

После войны он возвратился в Прокопьевск, работал машинистом электровоза на шахте «Ноградская», а потом на шахте «Северный Маганак» вплоть до ухода на пенсию.

Родной дядя Василия Михайловича был разведчиком и погиб на войне, подорвавшись на mine.

И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ...

Трудармейца **Георгия Евстафьевича Спицына** призвали на фронт в 1941 году, и попал он служить в 78-ю стрелковую дивизию, которая прибыла под Москву в критические дни обороны столицы. Командовал дивизией сибиряк генерал Белобородов Афанасий Павлентьевич. Дивизия прибыла под Москву с Дальнего Востока. Воевала отлично и получила вскоре новое наименование - 9-я гвардейская Сибирская стрелковая дивизия. А её командир стал командующим армией. Георгий Евстафьевич знал А.П. Белобородова и всю жизнь следил за его судьбой. Его, старшего сержанта, и генерала сблизили духовно навсегда жестокие бои за Москву.

Пришлось Спицыну участвовать в освобождении Смоленска, Белоруссии. Осенью 44-го освобождал он Ригу и остальную Латвию.

После разгрома Кенигсбергской группировки дивизию перебросили на Берлинское направление. Всё это было как бы запрограммировано, и он ничему не удивлялся. Закончилась война с Германией, а дивизия готовилась к новым боям. С кем? Солдаты и Спицын догадывались, что придётся им скрестить оружие с японцами. Так и вышло. Эшелоны стремительно мчались на Дальний Восток.

Против японской Квантунской армии воевал Георгий Евстафьевич в составе Первого Дальневосточного фронта. Дошёл до Порт-Артура.

Награждён сибиряк орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги» и другими наградами.

Известный в Прокопьевском районе журналист Николай Алексеевич Бобрышев тоже участвовал в разгроме японской Квантунской армии. Он на страницах газеты «Сельская новь» не раз обращался к теме этой короткой, но жестокой и кровопролитной войны. Н.А. Бобрышев награждён медалью «За победу над Японией», которая напоминает ему и о боевых действиях, и о товарищах, участвовавших в войне на сопках Маньчжурии. Николай Алексеевич называет своих земляков: Якова Жлудова, Павла Коваленко, Михаила Ваняйкина. Подробно рассказывает об Александре Ивлеве. Вот несколько строк из воспоминаний Николая Бобрышева: «С начищенными до блеска пуговицами на гимнастёрках, в подшитых белоснежных воротничках, с боевыми регалиями на груди длинной шеренгой стояли советские солдаты-победители. Мимо них проходили с опущенными головами грязные и обросшие японские вояки. Они молча бросали в растущую кучу винтовки, пулемёты, патроны, самурайские мечи и направлялись на указанную территорию.

Саша Ивлев, всегда и во всём экономист, рачительный и бережливый хозяйственник, повернувшись ко мне, сказал: «Эту кучу металла в нашу бы колхозную кузницу. Сколько бы наковали борон и лемехов!»

**Николай Бобрышев (слева)
и Яков Жлудов**

РЕЙХСТАГ

Война закончилась, а мы всё воевали...
Ожесточённо, вдохновенно мы
Рейхстаг берлинский ежедневно брали,
Набравши снега полные пимы.
 Январский снег! И жарок он, и хрупок!
 Но можно ль без рейхстага побеждать?
 Чуть не дотла сжигая снегом руки,
 Часами мы могли рейхстаг ваять.
Из проруби на берег, надрываясь,
Таскали воду в бочке ледяной,
И ненавистный купол поливали
Святою нашей Томскою водой.
 Зачем? Нам нужно было до зарезу,
 Чтобы рейхстаг был прочен, как ТОГДА!
 Цемент не было, и не было железа.
 Бетон мы заменяли коркой льда.
Рейхстаг готов к сраженью. Опоясан.
Тройным кольцом защитных рубежей.
И мы готовы. Самодельный красный
Наш стяг зовёт: «На штурм! Вперёд! Скорей!»
 Бредём в снегу по пояс и по уши,
 Потом ползём, а ветер рвёт лицо...
 Ползём и слышим... голос вражьих пушек,
 И прорываем за кольцом кольцо.
Ура! Начался рукопашный.
Гранатой деревянной и штыком
Пробились к куполу и водрузили красный
Наш стяг ПОБЕДЫ над своим врагом.
 А летом пробивались мы к отвалам,
 Где вражеские пушки и штыки,
 «Пантеры», «Фердинанды» ожидали,
 Когда их переплавят на плуги.
Их переплавили, их перелили. Траки
«Пантеры», ствол, и каски, и штыки
Однажды превратились в мирный трактор,
В могучие крестьянские плуги...
 Нам невдомёк их будущее было.
 Сиротской ненавистью до краёв полны,
 Босыми пятками до крови колотили
 Броню крестатую фашистской сатаны.
Наивное мальчишечье занятье.
Но что ж нам делать, если нет сапог?
Но что ж нам делать? Ведь отцы да братья
Весной Победной не шагнули на порог?
 Шли мирные года... Мы воевали...

Владимир Шабалин

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александров В.Ф.	35
Арыков Г.Я.	29
Афанасьев Н.Т.	35
Баранова М.П.	30
Гриднев Д.М.	59
Добротворский В.Л.	57
Дунаев П.Я.	31
Зонов П.Л.	9
Кабин Н.Н.	52
Казанцев Б.С.	33
Каргина Е.А.	36
Князева О.А.	35
Колесников В.В.	47
Колпаков П.И.	11
Крысов Т.С.	46
Макаров И.А.	13
Маньшев И. П.	64
Матвеев И.М.	44
Митрофанов Н.Е.	38
Моисеев С.И.	40
Мухачев И.Ф.	49
Наумов А.Ф.	15
Нехорошков В.Г.	14
Никаноров А.Н.	61
Павлов Д.С.	39
Павлов С.А.	54
Паршуков Д.С.	37
Полосухин В.И.	15
Полторыхин П.А.	32
Пятов И.Л.	31
Романович Н.В.	29
Сарин В.И.	57
Спицын Г.Е.	68
Старовойт П.Н.	36
Стафеев Г.С.	15
Сучков В.М.	67
Тенешев М.К.	28
Тищенко В.И.	65
Толмачев С.Ф.	50
Торгаев В.А.	55
Феданкова Р.С.	29
Чернов Г.И.	6
Щербина П.Д.	42

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Цена Победы</i>	3
<i>Русская загадка</i>	4
<i>Герои Советского союза</i>	6
<i>Гвардии генерал</i>	6
<i>Герой из поселка Школьный</i>	9
<i>Петр Иванович Колпаков</i>	11
<i>Полные кавалеры ордена солдатской Славы</i>	13
<i>Не дожил до Победы</i>	13
<i>Полный кавалер ордена солдатской Славы</i> <i>Владимир Григорьевич Нехорошков</i>	14
<i>На поле Бородинском</i>	15
<i>Бородино. Октябрь 1941 года</i>	20
<i>Сталинградцы</i>	28
<i>На Курской огненной дуге</i>	33
<i>Освободители Европы</i>	35
<i>В белоснежных полях под Москвой</i>	39
<i>Танкист из села Индустрия</i>	40
<i>Иганино</i>	41
<i>На заре Победы</i>	42
<i>Он убит подо Ржевом</i>	44
<i>Орденосец</i>	46
<i>В боях за Тихвин</i>	47
<i>Улица имени героя</i>	49
<i>Через все испытания</i>	50
<i>Пленные</i>	51
<i>Фронтовые дороги лейтенанта Кабина</i>	52
<i>Через две войны</i>	54
<i>Воспоминания В.А. Торгаева</i>	55
<i>Курсанты</i>	57
<i>Прохождение Отечественной войны</i> <i>(воспоминания сержанта Акима Никанорова)</i>	61
<i>Гвардеец</i>	64
<i>Из воспоминаний воздушного стрелка</i>	65
<i>Питомец Прокопьевского аэроклуба</i>	67
<i>И на Тихом океане</i>	68
<i>Рейхстаг</i>	69

ВЕРНУЛИСЬ С ПОБЕДОЙ

*(Очерки о жителях города Прокопьевска и Прокопьевского района,
участовавших в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.).*

Шабалин В.М., Шабалин В.В.

Редколлегия: Храпцова Т.В., Дубова Е.И., Иванова Г.Н.

Дизайн обложки, верстка: Боронихина О.В.

Ответственная за выпуск: Семенова Н.Н.

Формат А4, гарнитура “Таймс”, кегль 13.

2010

